

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

КЛИМ АРДАШЕВ. НАЧАЛО

МИССИЯ В НЕАПОЛЕ

УБИЙСТВО С ВИДОМ НА ВЕЗУВИЙ

Клим Ардашев

Иван Любенко

Миссия в Неаполе

«Автор»

2026

Любенко И. И.

Миссия в Неаполе / И. И. Любенко — «Автор», 2026 — (Клим Ардашев)

Весной 1895 года Клим Ардашев отправляется в Италию, чтобы спасти известного русского коллекционера, обвиняемого в убийстве графа Монтесано и краже реликвии эпохи Медичи. В поисках истины дипломату приходится бросить вызов не только полиции, но и всемогущей неаполитанской каморре. В этой жестокой игре на кон поставлена его собственная жизнь. Роман «Миссия в Неаполе» — 9-я книга серии «Клим Ардашев. Начало».

© Любенко И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иван Любенко

Миссия в Неаполе

Глава 1

Прерванное возвращение

27 марта 1895 г.

Под высокими сводами вокзала Ниццы эхом разносились гудки поездов, крики газетчиков и свистки кондукторов. Профессор Ленц, Вероника и Клим стояли на перроне, вглядываясь вдаль, откуда с минуты на минуту должен был вынырнуть состав. Рядом почтительно переминался с ноги на ногу усатый носильщик, опираясь на деревянную тележку с тяжёлыми кожаными чемоданами.

Наконец показался чёрный силуэт локомотива. Выпуская густые клубы белого пара и оглушительно шипя тормозами, поезд медленно подкатил к платформе. Клим принялся внимательно выискивать глазами вагон первого класса. Заметив нужную табличку, он собирался кивнуть служителю и уже обернулся к Веронике, чтобы предложить ей руку, как вдруг сквозь снующую толпу пассажиров к ним стремительно пробился запыхавшийся молодой человек в знакомом ведомственном сюртуке. Ардашев мгновенно узнал в нём второго секретаря российского консульства, с которым ещё вчера имел беседу.

Остановившись и едва переводя дух, коллега протянул запечатанный конверт.

– Клим Пантелеевич! – воскликнул он. – Слава богу, успел! Вам срочная телеграмма из столицы...¹

Ардашев принял конверт, разорвал его и прочёл ленту, наклеенную на телеграфный бланк. Строчки, набранные казённым шрифтом, резали глаз сухостью начальственного тона: «Немедленно выезжайте в Неаполь. Все детали узнаете у консула на месте. Клосен-Смит».

Он прочёл второй раз и убрал депешу во внутренний карман.

– Что-то случилось? – дрожащим голосом спросила Вероника.

– Меня посылают в Неаполь.

Профессор сердито выговорил:

– В Неаполь? Сейчас? Но ведь... – он глянул на стоящий у платформы состав, – мы выезжаем в Петербург.

– Вы – да, я, получается, – нет. Ничего не поделаешь – служба, – сокрушённо пожал плечами Ардашев.

На секунду все трое застыли в молчании, глядя на стоящий под парами поезд.

– Я посажу вас в купе, – вымолвил Клим и, сняв свой чемодан с тележки, пояснил носильщику, что остаётся. Тот лишь кивнул в ответ.

Кондуктор проверил билеты. Багаж Ленцев исчез в недрах вагона первого класса. Альберт Карлович поднялся по ступенькам.

Вероника задержалась.

– Значит... Неаполь, – тихо сказала она.

– Да, – выдохнул он.

– Береги себя, милый.

Он кивнул.

¹ Данный отрывок взят из окончания последней главы восьмого романа серии «Клим Ардашев. Начало» – «Последняя песнь бабочки». (Здесь и далее – прим. авт.).

- Пиши мне.
- Куда? Я не знаю адреса.
- Королевство Италия, Неаполь, консульство Российской империи, Ардашеву.
- Хорошо. Ты надолго?
- Не знаю. Но как вернусь в Петербург, сразу же найду тебя.
- Ты не забыл наш адрес?
- Почтамтская, двенадцать. В десяти минутах ходьбы от меня.
- Второй этаж.
- Конечно, второй, – улыбнулся Клим, – семикомнатные квартиры обычно на втором. Ардашев взял Веронику за руку, поднёс ладонь к губам и поцеловал.
- Я люблю тебя, – тихо вымолвил он.
- Я тоже, – шёпотом проговорила она, и в её глазах заблестели хрусталики слёз.
- Обязательно пиши мне. Слышишь?
- Буду отсылать письма на каждой станции.
- Вот и хорошо.
- Ой, – спохватилась она, – я не купила ни конверты, ни открытые письма.
- Они есть у кондуктора.
- Да, точно. Я забыла.
- Посадка заканчивается. Я провожу тебя в купе.
- Нет-нет, ты уже не успеешь вернуться. Поезд тронется. Я пойду.
- Счастливой дороги, милая!
- Я буду ждать тебя.

Вероника поднялась в вагон. За окном купе мелькнула её шляпка, затем лицо – уже отстранённое, уже «в дороге». Профессор что-то говорил ей, и она отвечала, не отрывая взгляда от платформы.

Раздался гудок. Затем второй, третий. Колёса дрогнули, поезд потянулся. Клим шёл за ним – нелепое движение человека, понимающего бессмысленность этой маленькой погони, но всё равно продолжающего её, потому что иначе не может. Потом он остановился. Состав ушёл, увозя на север первую настоящую любовь.

Второй секретарь, всё ещё стоявший рядом, деликатно кашлянул.

– Вам... помочь с билетами? Могу устроить без промедления. До Генуи, а там – на Неаполь. Или прямо, если успеем на итальянский...

– Благодарю, – перебил Клим. – Я сам.

– Тогда до свидания!

– Честь имею!

Он повернулся и пошёл к выходу с перрона – не оглядываясь. Носильщик с чемоданом семенил рядом.

II

Кассы вокзала Ниццы мало чем отличались от подобных в Европе. Богатые вояжеры в котелках, цилиндрах и дамских шляпках появлялись и исчезали за высокими хлопающими дверьми. На стене висели аккуратные расписания поездов, где названия городов выстроились в один большой столбик.

Клим подошёл к окошку. Кассир – сухой человек с проплешиной и обвислыми усами – поднял голову.

- Один билет до Неаполя на ближайший поезд. Первый класс, – проговорил Ардашев.
- Спальный вагон?
- Да.

- Через Геную?
- Да.
- Одно место или всё купе?
- Одно.
- Сто тридцать восемь франков, месье.

Клим вынул бумажник и положил на мрамор у окошка купюру в сто франков и два золотых наполеондора.

- Благодарю. Сдача – два франка.

Кассир дал сдачу и, повернувшись к стеллажу за спиной, вынул из кассеты две плотные прямоугольные картонки. Вставил их в печатающий прибор, щёлкнул рычагом, затем приложил штемпель и что-то дополнил карандашом. После этого достал тонкий бланк, вписал несколько строк и поставил печать.

– Билет Ницца – Неаполь. Первый класс, через Геную, – проговорил он, подавая картонку. – И квитанция на спальное место. Одно в купе.

- Какой поезд ближайший?

– Отправление без четверти десять. Третья платформа. Спальный вагон – в хвосте состава. Место номер семь.

- Пересадки?

- В Генуе – по указателям на Неаполь. Вам подскажут, месье.

Клим забрал билет, квитанцию и сдачу.

- Благодарю.

- Счастливого пути, месье.

На платформу Ардашев вышел уже не прогулочным шагом, а уверенной поступью командировочного чиновника.

Состав на Италию стоял под другим навесом. Здесь было меньше света и больше угольной гари; итальянская речь звучала иначе – громче, с надрывом, как будто каждый хотел перекричать собственную судьбу. Клим нашёл последний вагон, и носильщик определил чемодан в багаж. Ардашев занял место в купе. Кондуктор – темноволосый, с усами – сказал что-то приветственное и исчез.

Паровоз свистнул паром и тронулся. Ницца поплыла назад: белые фасады, пальмы, вылизанная чистота бульваров – всё это отступало, уходило, как декорация в театре, где сменили акт. Ардашев смотрел в окно до тех пор, пока море не превратилось в полосу света, а затем и вовсе исчезло.

Менее чем через полтора часа мерный стук колёс замедлился. За окном проплыла станция с двойным названием: французским *Menton*² и следом – итальянским *Ventimiglia*³. Это была граница. Французский участок пути заканчивался, уступая место итальянской юрисдикции.

В коридоре появился кондуктор, громко объявляя:

– Господа пассажиры! Таможенный досмотр! Просьба покинуть вагоны со всем багажом! Стоянка один час!

Климу пришлось нанять вастазо – перронного носильщика – юркого итальянца, легко подхватившего чемодан. Просторный зал таможни гудел, смешав французскую и итальянскую речь. Процедура оказалась строгой: гвардейцы из финансовой стражи придирчиво искали контрабанду.

Когда подошла очередь Ардашева, усатый офицер в тёмно-синей форме с интересом оглядел его сюртук из английской ткани, а затем перевёл взгляд на чемодан. Отменная воловья

² Ментон (*фр. menton*) – последний французский город и станция перед итальянской границей.

³ Вентимилья (*ит. ventimiglia*) – первая железнодорожная станция на территории Италии после пересечения границы.

кожа и сверкающие латунные замки *Louis Vuitton* не оставляли сомнений в состоятельности пассажира, но закон был един для всех.

– Табак, духи, шёлк? – спросил офицер на смеси итальянского и ломаного французского.

– Ничего из перечисленного. Только личные вещи, – спокойно ответил Клим.

Повинуясь жесту чиновника, Ардашев открыл замки. Тот заглянул внутрь, но, увидев безупречно сложенные рубашки, бритвенные принадлежности и разобрannую трость из акации с латунной ручкой в виде головы орла, не стал рыться в вещах. Он удовлетворённо кивнул, сделал мелом отметку на крышке и властно щёлкнул компостером, пробивая плотную картонку билета.

Пока вояжёры проходили досмотр, снаружи на путях громко лязгали буфера: французский локомотив отцепляли, чтобы заменить его на итальянский, пускающий в небо густые клубы пара.

Вскоре Клим вернулся в комнату на колёсах. Паровоз дал пронзительный гудок, и состав снова дёрнулся с места, увозя путешественников вглубь Италии.

Дорога на юг не обещала развлечений. Она была похожа на длинный коридор, где за спиной хлопают то одной дверью, то другой. Такое впечатление складывалось из-за большого количества тоннелей, которые пронизывал состав, точно цыганская игла – ткань.

Сначала шли знакомые имена Лазурного Берега, потом они уступили место станциям, звучащим уже по-итальянски, – и от этого менялось всё: не только вывески, но и восприятие мира.

На одной из станций подсел пожилой коммерсант с портфелем, пахнувший сигарами и дорогим парфюмом; он быстро заговорил, но, наткнувшись на сухую вежливость Клима, замолчал и принялся читать газету, шурша страницами с такой сосредоточенностью, будто от этого зависело спокойствие не только Европы, но и Азии.

Ардашев съел бутерброд и пирожное, выпил кофе в буфете на одной из остановок – густой, горький, сваренный по-итальянски, – и отметил, что к приготовлению напитков здесь относятся внимательнее, чем к людям.

Ночью поезд сбавил ход и, точно уставший путник, двигался не торопясь. Сквозь приоткрытое окно тянуло то морской влажностью, то сухим весенним теплом. В коридоре слышались чьи-то шаги. Кто-то кашлял, а кто-то горячо и с надрывом спорил на певучем итальянском языке, срываясь на крик.

Клим не спал. Он лежал, обдумывая полученную телеграмму, как следователь прокручивает в голове показания подозреваемого: что скрыто за словами «детали узнаете... на месте»? И почему Неаполь? Отчего так срочно? Раз дело находится в ведении консула, значит, тут пахнет либо дипломатическими играми, либо уголовщиной, в которой, возможно, замешана весьма важная российская персона. Самый плохой вариант – это когда на заурядное преступление, совершённое высокопоставленным лицом, натягивают политическое одеяло.

Под утро он всё-таки задремал, но сон был беспокойным: пригрезились обрывки вокзальных воспоминаний, лицо Вероники в окне и белый паровозный пар, превращающийся в известковое небо.

Когда он проснулся, воздух в вагоне показался уже другим, разогретым. Поезд замедлил ход, часто подёргиваясь на стрелках. За окном мелькали низкие дома, бельё на верёвках и пальмы. Небо приняло цвет застиранной каламянковой простыни, сквозь которую солнце просвечивало мутным желтоватым пятном.

В коридоре послышалось: «*Napoli... Napoli... Napoli!*»

Глава 2

Жемчужина Тирренского моря

*Неаполь – райский цветок. Последнее приключение моей жизни.
Александр Дюма. Путевые впечатления. Корриколо⁴*

Вокзал Неаполя встретил Ардашева шумом, паровозным паром и толпой, состоящей из пассажиров и местных жителей, отличавшихся от приезжих весьма своеобразными шляпами с широкими и давно не чищенными полями. Внешне неаполитанцы выглядели одинаково: загорелые лица, чёрные усы и плохо выбритые подбородки. Словом, с аккуратностью они не особенно дружили.

Не успел Ардашев осмотреться, как носильщик в синей рабочей блузе выхватил у Клим чемодан и, что-то лопоча, повёл за собой.

На привокзальной площади к ним подскочил извозчик в цилиндре и сюртуке и, указывая на выдавший виды открытый экипаж, осведомился:

– *Signore, hotel?*

– Отель «Бристоль», – коротко бросил Клим, и кучер, услышав название престижной гостиницы, склонил голову в почтительном поклоне. Артельщик получил монету, и коляска влилась в пёстрый поток улицы, состоящей из корриколо, кабриолетов, лакированных карет и возов, гружённых тюками с соломой.

Экипаж с трудом пробирался сквозь хаос площади Гарибальди, где волновалось и кипело людское море из торговцев, нищих, солдат и лаццарони – празднующихся, не обременявших себя работой зевак. Грохот железных ободьев по брусчатке тонул в многоголосом гвалте обывателей.

Но вот возница хлестнул лошадей, и экипаж вырвался из людской сутолоки, вывернув на широкий, прямой как «петербургская перспектива», проспект. Новая картина открылась внезапно, оставив пёструю толпу позади. Здесь, на Корсо Умберто I, как гордо пояснил кучер, указав кнутом вперёд и бросив короткое «Реттифило!»⁵, текла совсем иная жизнь.

Высокие, строгие четырёхэтажные здания в едином стиле выстроились в безупречные ряды, как солдаты на параде. Их первые этажи занимали витрины дорогих магазинов, банковских контор и респектабельных кафе, за столиками которых сидели господа в котелках, читая газеты. По широким тротуарам неспешно прогуливались дамы с кружевными парасолями. Ардашев, привыкший видеть в архитектуре волю и замысел власти, безошибочно понял: этот проспект прорубили сквозь живое тело старого города. Он являлся демонстрацией силы новой, объединённой Италии, пытавшейся навести порядок в своём самом буйном и непокорном крае.

Вдруг прямо перед глазами мелькнула солидная вывеска: *Banco di Napoli*⁶.

⁴ Карриколо (*ит. carricolo*) – лёгкая и быстрая двухколёсная повозка на одного-двух пассажиров, запряжённая одной лошастью. Характерный для Неаполя XIX века вид наёмного экипажа, славившийся скоростью и зачастую рискованной, лихой ездой.

⁵ Реттифило (*ит. retifilo* – «прямая линия») – народное название проспекта Корсо Умберто I. Этот идеально прямой проспект был устроен в 1880-х годах в рамках программы «Рисанаменто» (оздоровления города) после эпидемии холеры и разительно контрастировал с лабиринтом прежних неаполитанских улиц.

⁶ Banco di Napoli (*ит. «банк неаполя»*) – один из старейших банков мира, ведущий свою историю от благотворительных касс (*monti di pietà*), основанных в Неаполе в 1539 году. В описываемый период он являлся одним из главных эмиссионных банков Королевства Италия и символом финансовой мощи всего итальянского Юга.

– Аррэтэ иси!⁷ – бросил Клим извозчику по-французски, и тот, натянув вожжи, послушно остановился.

Тяжёлая дверь со стеклом пропустила иностранца в банковскую залу. Гулявшее под высоким потолком эхо шагов по мрамору стихло, когда он подошёл к свободному окошку.

Клим выложил на полированный барьер несколько золотых наполеондоров. Они легли на тёмное дерево с мягким, но узнаваемым стуком, заставившим господина с тонкими усиками оторваться от бумаг.

– *Bonjour, monsieur*⁸, – начал Ардашев по-французски. Его голос звучал ровно и уверенно. – Я хотел бы обменять это на местные деньги.

Клерк наклонился, и его глаза за стёклами очков заблестели.

– *Bonjour, monsieur*, – ответил он на безупречном французском, лишь с лёгкой, певучей интонацией, выдававшей в нём итальянца. Он взял одну монету, повертел её в тонких пальцах. – А-а, наполеондоры! Великолепная чеканка... Вы знаете, месье, благодаря нашему Латинскому валютному союзу ваш франк и наша лира – почти одно и то же. Но за такое золото мы всегда даём чуть больше официального паритета. Оно того стоит.

Ардашев лишь сдержанно кивнул, ожидая выплаты. Тот, сухо щёлкнув деревянными костяшками, уже шелестел пачкой новеньких хрустящих банкнот.

– Ваша сумма, месье. Свежие билеты Банка Италии, – произнёс он и с приятным звоном выложил на стойку несколько монет. – И сдача: пять лир – у нас такую монету зовут «скудо» – и мелочь на размен. – Он поднял глаза. – Что-нибудь ещё, месье?

– Пожалуй, нет, – покачал головой Клим, убирая деньги в портмоне от *Hermès*, чья седельная строчка бросалась в глаза даже издали.

Экипаж вновь продолжил путь. Показная роскошь Реттифило длилась недолго. Миновав площадь с помпезным зданием Биржи, коляска свернула и начала подъём. Город снова менял лицо. Прямые линии исчезли. Улицы сузились и поползли вверх, извиваясь по склону холма. Лошадь тяжело задышала, замедлив шаг. Здесь уже не было блеска центрального проспекта.

Фасады домов, высокие и обшарпанные, хранили память об испанском владычестве: тёмный камень, кованые решётки на нижних этажах и обязательные балконы. Из распахнутых настежь дверей цирюлен доносились обрывки разговоров, а из тёмных прохладных лавок пахло овечьим сыром и пряностями. Над головой тянулись бесконечные гирлянды белья, трепетавшего на ветру, словно флаги неизвестных государств. Из окон долетали звуки песен, звон посуды и женские голоса.

На одном из перекрёстков Клим увидел сценку, заставившую его невольно усмехнуться. У обочины стояла коза, которую хозяин спокойно доил прямо на тротуаре. Как только кувшин наполнился, женщина с четвёртого этажа спустила на верёвке корзинку с деньгами, куда хозяин и поставил кувшин со свежим молоком. После чего плетёнка плавно поползла вверх.

За коляской, азартно крича, неслась стайка босоногих мальчишек, надеявшихся на монетку от богатого иностранца. Эта картина – яркая, живая, полная движения и звуков – сильно отличалась от чинной респектабельности Петербурга, Вены или Парижа.

Если упомянутые столицы являлись воплощением порядка и выверенной геометрии, то Неаполь предстал бурлящим хаосом. Город жил по непонятным иностранцу законам, являя собой никогда не заканчивающееся зрелище, переходящее из комедии в драму. Одна из трагедий разыгралась прямо перед глазами проезжающих экипажей. Два неаполитанца бились на ножах в окружении зевак, а полицейский, стоявший неподалёку, не торопился разнимать их, ожидая скорого ареста победителя.

⁷ Arrêtez ici! – Остановитесь здесь! (франц.).

⁸ Bonjour, monsieur – Добрый день, господин (франц.).

Чем выше взбирался экипаж, тем тише становился гул большого города, оставшегося внизу. Верхушки каштанов уже покачивались от солёного ветра с побережья. И вот после очередного поворота перед Ардашевым открылось то, ради чего богатые иностранцы и ехали в Неаполь.

Коляска выехала на широкую панорамную дорогу – Корсо Витторио Эмануэле. Слева, сколько хватало глаз, расстилалась захватывающая дух картина: лоскутное одеяло крыши старого города, сбегующее уступами к синей глади залива, порт с мачтами кораблей и замыкавший горизонт Везувий. Ветер донёс лёгкий запах серы – вечное, зловещее дыхание вулкана. Под его пеплом уже второе тысячелетие спали Помпеи.

Наконец показался отель, и экипаж поравнялся с вывеской *Grand Hôtel Bristol*. Оставив извозчику несколько лир сверх положенного, Ардашев сошёл на тротуар. Носильщик появился мгновенно. Подхватив чемодан, он поспешил вслед за гостем.

Дипломат ступил в просторный и прохладный вестибюль. На мраморном полу отражались пальмы в кадках и силуэты глубоких кресел. За полированной стойкой возвышался портье – худощавый мужчина средних лет в безупречно сидящем сюртуке, с нафиксатуренными усами и непроницаемым лицом профессионала, много видевшего на своём веку, но не привыкшего об этом рассказывать. Он оторвал взгляд от ключей, висевших в настенном застеклённом шкафчике, и посмотрел на гостя.

– Добрый день, месье, – обратился Клим, кладя перчатки на стойку. – Мне нужен номер. Тихий, с хорошим видом.

– Конечно, месье, – портье слегка склонил голову, поясняя по-французски. – У нас есть уютная комната с балконом, выходящим на залив.

– Прекрасно.

– Но она обойдётся вам в восемнадцать лир в сутки.

– Меня это вполне устраивает.

– Отлично. Сколько дней вы собираетесь у нас провести?

– Пока не знаю точно, но готов оплатить неделю. В случае необходимости – продлю.

– С вас сто двадцать шесть лир.

Клим открыл портмоне и, выложив сто пятьдесят лир, сказал:

– Сдачи не надо. Я бы хотел отдать в стирку и глажку часть вещей.

– Без затруднений. Просто положите их в корзину для белья, что в ванной комнате. Горничная заберёт.

– Великолепно.

– Если желаете, то можете включить в стоимость ежедневное обслуживание: коридорный будет приносить свежие газеты, чай, кофе или еду из ресторана. Это обойдётся вам ещё полторы лиры в сутки. Счёт выставляется при отъезде.

– Пожалуй, это было бы неплохо.

– Что ж, тогда прошу вас выполнить небольшие формальности.

– Безусловно.

Ардашев подал паспорт и расписался в гостевой книге. Носильщик, подхватив чемодан, проводил иностранца на второй этаж.

Пройдя по длинному коридору, лакей остановился у семнадцатого номера. Ключ повернулся дважды, и Клим шагнул в комнату.

Наборный паркет был укрыт ковром, а в центре стояла широкая кровать из ореха с высоким резным изголовьем и белоснежным бельём. Напротив неё – платяной шкаф с зеркальной дверью в полный рост. Справа от входа, у стены, расположился письменный стол с чернильным прибором и стопкой бумаги с тиснённым названием отеля. Рядом – пара глубоких кожаных кресел.

Ардашев машинально потянулся к стене и щёлкнул выключателем. Под высоким потолком тотчас вспыхнули три матовых плафона в виде нераскрывшихся бутонов лилий на бронзовых рожках люстры. Никакого шипения и запаха газа – только чистый, ровный свет электричества, последняя дань моде и комфорту – удобство, доступное постояльцам «Бристоль».

Вся эта респектабельная тишина оказалась отгороженной от внешнего мира бархатными шторами.

Поставив чемодан на специальную подставку, лакей проследовал к окну. Одним уверенным движением он раздвинул шторы, а затем распахнул стеклянные двери на балкон. Комнату тотчас наполнили яркий свет и солёный морской воздух.

Клим шагнул наружу – и обомлел. Перед ним, насколько хватало глаз, простиралась чаша Неаполитанского залива. Далеко внизу, как на ладони, лежал город с его путаницей крыш и узких улочек. А слева, в четырнадцати верстах, возвышался величественный и спокойный Везувий с белым пёрышком дыма над усечённой вершиной. Прямо под ним, у самой подошвы, широкой каймой расположились белые домики вилл и селений. А ещё дальше – в морской синеве темнел скалистый остров Капри.

Ардашев на мгновение оторвался от созерцания, достал из жилетного кармана монету и протянул её носильщику. Тот тихо исчез, притворив за собой дверь.

Особый шик номеру придавала *salle de bain* – ванная комната. Там, на сверкающем кафельном полу, стояла фаянсовая раковина с никелированными кранами для горячей и холодной воды и чугунная ванна на изогнутых львиных лапах. Для дипломата, привыкшего к удобствам, это было нормой, но для многих путешественников такая приватная роскошь казалась ещё диковинкой.

Номер оказался именно таким, как он любил: комфортным, но без показных излишеств. Здесь можно было и работать, и отдыхать, оставаясь наедине с мыслями.

Клим вышел на балкон и закурил папиросу, глядя на тающий дым. Расставание с Вероникой в Ницце, бессонная ночь в поезде, суeta вокзала – всё это оставило горький след. Да и Неаполь произвёл двойственное впечатление. В этом итальянском Вавилоне показная роскошь и ужасающая бедность уживались рядом. Но именно здесь, среди южного столпотворения, ему предстояло распутать очередной клубок чужих тайн.

Глава 3

Заговор

10 апреля 1478 года

Рим, Апостольский дворец, личный кабинет папы

– Значит, и твоё терпение иссякло, Франческо? – спросил Сикст.

Голос прозвучал негромко, но заставил посетителя вздрогнуть. Он принадлежал человеку, восседавшему в массивном кресле, спинка которого напоминала готический собор в миниатюре. Папа Сикст IV, в миру Франческо делла Ровере, не смотрел на собеседника. Его взгляд, цепкий и острый, как у ястреба, изучал пламя, плясавшее в камине, словно видел в огне отблески будущих событий.

Папе шёл шестьдесят четвёртый год, но дряхлости в нём не ощущалось ни на унцию. Сын простого рыбака из Лигурии, он сохранил крестьянскую хватку и широкие, привычные к труду ладони, которые странно смотрелись под тяжестью перстней. Лицо его, с крупным носом и плотно сжатыми губами, выражало не вселенскую скорбь и смирение, а неукротимую волю и земные амбиции. Голову понтифика покрывало камауро – алая бархатная шапочка, а красная сутана, отделанная тончайшим кружевом, не могла скрыть мощную фигуру человека, привыкшего добиваться своего, а не вымаливать милость у Господа.

Напротив него, в кресле попроще, сидел Франческо де Пацци. Моложе папы лет на тридцать, он являл собой полную его противоположность. Сухощавый, нервный, с бледным порочистым лицом и тёмными глазами, в глубине которых тлела застарелая обида, Франческо был облачён в шёлковый дублет⁹ флорентийского покроя, сидевший на нём безупречно. Но сейчас эта одежда казалась ему слишком тесной: плечи гостя напряглись, а грудь тяжело вздымалась. Он – глава римской конторы банка Пацци – всем своим видом олицетворял гордыню и уязвлённое самолюбие древнего рода, оттеснённого на второй план выскочками-торговцами.

Весеннее солнце еле пробивалось сквозь узкие окна с толстыми стёклами, его лучи, едва проникшие в кабинет, терялись в складках гобеленов, изображавших битвы Давида с филистимлянами. Воздух отдавал ладаном, пчелиным воском и старой кожей фолиантов, громоздившихся на столе. Этот дух намертво въелся в обивку мебели и складки тонкой сутаны понтифика. Ночами напролёт здесь плавилась свеча, пока Сикст кропотливо правил труды святого Амвросия. Горы тяжёлых томов в потёртых переплётах служили ему главным оружием – надёжной ширмой, за которой скрывалось его безграничное властолюбие. Именно в этой тишине вершились судьбы не только душ, но и королевств.

– Моё терпение, Святой Отец? – горько усмехнулся Пацци. – Терпение всего нашего рода иссякло! Медичи поглотили Флоренцию подобно спруту. Они не правят – они владеют ею! Лоренцо этот... «Великолепный»! Он покупает поэтов, кормит художников, и город рукоплещет ему, не замечая, как он затягивает петлю на шею Республики. Нас, чьи предки сражались ещё за гвельфов, он отстранил от всех постов. Лишил наследства жену моего брата! И всё это под маской добродетели и заботы о благе Флоренции.

Сикст медленно повернул голову.

– Эти обиды понятны, сын мой. Но какое дело до наследства твоей супруги Святому Престолу?

⁹ Дублет – короткая, плотно облегающая мужская куртка с рукавами, популярная в Европе в эпоху Возрождения. Обычно надевалась поверх камизы (рубахи).

– А разве ваши обиды меньше? – осмелел Франческо. – Разве не Лоренцо помешал Вашему Святейшеству назначить преданного человека, Франческо Сальвиати, архиепископом Пизы? Разве не он отказал вам в кредите на покупку Имолы¹⁰ для вашего племянника, графа Джироламо? И когда вы обратились к нашему банку, что сделал этот флорентийский тиран? Он лишил нас статуса папских банкиров! Он душит не только нас, но вас, Святой Отец.

Папа поднялся. Он подошёл к окну, заложив руки за спину. Внизу простирался вечный город, но мысли понтифика витали далеко, в зелёной Тоскане.

– Лоренцо возомнил себя государем. Он плетёт союзы с Венецией, с Миланом, он мешает мне укрепить Папскую область. Он – заноза в теле Италии, лишаящая моего племянника, плоть от плоти моей, законного места под солнцем. Джироламо нужен надёжный домен¹¹. Медичи стоят на пути. Они – преграда. А всякую преграду... – Сикст сделал паузу, и в наступившей тишине треск поленьев в камине прозвучал зловеще, – ...должно устранять.

Франческо де Пацци придвинулся вперёд, его глаза загорелись зловещим огнём. Он ждал этих слов. Он жаждал их.

– Вся Флоренция стонет под их игом! Народ предан нашему роду! Достаточно лишь свергнуть узурпаторов, и горожане встретят нас как спасителей. Как только Медичи падут, мой дядя Якопо примет на себя обязанности гонфалоньера¹². Архиепископ Сальвиати готов поднять своих людей. Нам нужна лишь ваша воля и благословение, Святой Отец.

Сикст IV обернулся. На его лице не отразилось ничего, кроме отеческой заботы, но взгляд сверлил Пацци насквозь.

– Я не ищу ничьей смерти, – произнёс он медленно, выговаривая каждое слово. – Я наместник Христа на земле, а не наёмный убийца. Но я горячо желаю смены власти во Флоренции, чтобы город избавился от тирании и вернулся в лоно Церкви. Как вы этого добьётесь – дело ваше. Главное, чтобы не пролилась кровь.

Франческо едва сдержал торжествующую улыбку. Он прекрасно понял эту хитрую уловку. Понтифик развязывал ему руки, формально оставаясь чистым.

– Не прольётся ни одной лишней капли, Ваше Святейшество, – почтительно склонил он голову. – Только та, что отравила нашу республику.

– Хорошо, – кивнул Сикст, возвращаясь в кресло. Его миссия в этом разговоре завершилась. – Граф Джироламо и архиепископ Сальвиати окажут тебе всемерное содействие. Иди, сын мой. И да благословит Господь твоё благое дело.

Франческо де Пацци поцеловал папский перстень и, пятясь, покинул кабинет. Дубовая дверь за ним закрылась, отрезав от покоев понтифика.

Папа Сикст IV ещё долго смотрел на огонь, и на его суровом лице играли багровые отблески. Его заботило не спасение души и не служение Богу. Он думал о власти, о своём роде и о двух братьях Медичи, Лоренцо и Джулиано, которые через несколько дней придут на пасхальную мессу в собор Санта-Мария-дель-Фьоре, даже не подозревая, что их ждёт не причастие, а сталь клинков.

¹⁰ Имола – город в регионе Романья, ставший яблоком раздора между Медичи и папой Сикстом IV. Понтифик стремился создать для своего племянника Джироламо Риарио личное княжество и решил выкупить Имолу у миланского герцога за 40 000 дукатов. За займом он обратился к своим главным банкирам – семье Медичи. Однако Лоренцо Великолепный отказал, так как усиление Папского государства на границах Флоренции было стратегически невыгодно республике. Взмешенный отказом, Сикст IV обратился к конкурирующей флорентийской семье Пацци. Франческо деи Пацци не только согласился выдать кредит, но и воспользовался этим как шансом сместить Медичи. В ответ папа лишил Медичи прибыльного статуса папских банкиров и передал его Пацци, что окончательно закрепило смертельную вражду между двумя кланами.

¹¹ Домен – наследственное княжество. Поскольку власть папы не передавалась по наследству, он стремился за время своего правления обеспечить родственников собственными землями и титулами, чтобы гарантировать будущее семьи.

¹² Гонфалоньер – высшая государственная должность во Флоренции.

Глава 4

Поручение

Разобрав чемодан и аккуратно развесив в шкафу сюртук, Клим принял горячую ванну и с удовольствием смыл с себя усталость долгого пути. Не прошло и часа, как, сменив сорочку, он уже сидел в вестибюле отеля. Буфетчик бесшумно поставил перед ним на столик маленький поднос с дымящейся чашкой, сахарницей с щипчиками и стаканом воды.

Ардашев вдохнул густой аромат, поднимавшийся над толстостенной чашечкой *tazzina*. Зная местный обычай, он сделал глоток холодной воды. Если на Востоке её подавали, чтобы запить тёмную гущу, то здесь, напротив, вода очищала рот перед встречей с обжигающей жидкостью. Это был не тот мягкий, разбавленный молоком *café*, привычный парижанам или жителям Ниццы, созданный для долгих бесед и ленивого утра. Неаполитанский южный собрат имел иной вкус. Чёрный как смола, с нотами жжёного сахара, он не расслаблял, а заряжал бодростью, необходимой в начале нового дня.

Клим достал из портсигара последнюю «Скобелевскую». Знакомый пряный дым турецкого табака смешался с горьким ароматом напитка. Он докурил папиросу до картонного мундштука, задумчиво раздавил её в мраморной пепельнице, оставил на столике скудо и направился к выходу.

Погода благоволила прогулке. Уверенно выбрасывая вперёд трость, Ардашев начал спускаться по извилистому переулку. Пройдя несколько десятков шагов, он увидел то, что искал: небольшую витрину табачной лавки, или *Tabaccheria*, как гласила вывеска. За стеклом красовались пирамиды гаван, жестяные баночки с монпансье и разноцветные пачки сигарет. Среди них Клим сразу приметил знакомые по европейским столицам элегантные коробки с арабской вязью.

Над входом звякнул колокольчик. Внутри витал аромат, сплетённый из запахов вирджинского, турецкого и кубинского листа, с нотками кедра и лакрицы. За прилавком стоял немолодой мужчина с густыми седыми усами в красной феске со сбитой набок кисточкой. Его лицо, испещрённое морщинами, хранило мудрость прожитой жизни.

– *Buongiorno, signore*¹³, – окинув вошедшего оценивающим взглядом, проговорил он.

– *Bonjour*, – ответил Клим по-французски. – Я хотел бы купить у вас папиросы «Скобелевские».

– К сожалению, месье, «Скобелевских» нет. Насколько я знаю, их набивают смесями из Македонии и Смирны. Но... – Он повернулся к полке и бережно достал плоскую жестянку с изображением сфинкса и пирамид. – «*Kyriazi Frères*», – с гордостью произнёс старик, выкладывая её на прилавок. – «Братья Кириази». Прямоком из Каира. Лучший табак Леванта. Их курит сам хедив Египта и половина лондонских клубов.

– Я знаю эту марку, – кивнул Ардашев. – Сколько?

– Для вас, месье, – две лиры. Это честная цена за истинное наслаждение.

Клим молча достал из портмоне монету и положил на прилавок. Хозяин лавки с поклоном протянул коробку.

Ардашев тотчас её раскрыл. Сигареты имели овальную форму и скручивались вручную, благодаря чему были плотно набиты табаком. По краю папиросной бумаги шло золотое тиснение.

Продавец с удивлением наблюдал, как покупатель перекладывал сигареты из жестяной коробки в серебряный портсигар. Ведь само имя дорожных «Братьев Кириази» являлось сино-

¹³ *Buongiorno, signore* – Добрый день, господин! (*итал.*).

нимом роскоши, но Ардашеву не было никакого дела до хвастовства. Он не собирался выстав-
лять напоказ ни статус, ни давно привычный достаток.

Дипломат покинул лавку и, сев на скамью под цветущим каштаном, закурил. Буквально
с первой затяжки он почувствовал мягкий аромат восточной табачной смеси с характерным
лакричным послевкусием. Густой дым слегка щекотал горло. «Ну что ж, – мысленно рассу-
дил Ардашев, – вполне достойная замена „Скобелевским“». Он достал из жилетного кармана
английский хронометр «Qte Сальтеръ» и щёлкнул крышкой: часовая и минутная стрелки уже
почти сошлись на двенадцати. «Самое время появиться в консульстве», – решил он и поднялся.

Спустившись в хитросплетение улочек, Клим понял, что попал в самое сердце старого
Неаполя – знаменитые Испанские кварталы. Ещё будучи слушателем разведочных курсов при
Осведомительном отделе МИД России, он узнал, что этот район, построенный несколько веков
назад для расквартирования испанских гарнизонов, теперь представлял собой густонаселён-
ный лабиринт из узких, круто уходящих вниз переулков. Здесь над головой вместо неба висели
гирлянды белья, а жизнь кипела прямо на порогах домов с облупившейся краской на стенах.

Неудивительно, что найти в этом бурлящем беспорядке фиакр оказалось делом непро-
стым. Лишь шагов через двести ему попала пустая коляска с залатанным кожаным верхом,
запряжённая измождённой лошастью. Вскоре пегая кобыла вывезла седока на оживлённую Виа
Толедо. Хаос узких переулков сменился грохотом омнибусов, криками лавочников и пёстрой
суетой главной торговой артерии Неаполя. Миновав площадь Плебисцита с её королевским
дворцом и колоннадой собора, экипаж свернул к набережной.

Подул морской ветер, ворошивший верхушки пальм. Коляска побежала по знаменитой
Ривьера-ди-Кьяя – парадному фасаду города. Слева тянулись элегантные палаццо, справа –
пышная зелень парка Вилла Комунале, подходившего к самой кромке залива. Неаполь осо-
бенно прекрасен весной, когда лимонные, персиковые и апельсиновые рощи благоухают соцвет-
тиями, а заборы вилл оплетают, свешиваясь к прохожим, гирлянды роз, жасминов и тысяч
других цветов. Именно эта красота и сопровождала Ардашева по дороге к российскому кон-
сульству. Мимо проносились дорогие кареты, прогуливались дамы под кружевными зонтиками
и господа в светлых европейских костюмах.

Коляска остановилась перед монументальным зданием из охристого туфа, чей строгий
неоклассический фасад выделялся на фоне соседних домов. На втором, парадном этаже длин-
ный балкон с кованой решёткой был защищён от зноя высокими деревянными ставнями,
выкрашенными в тёмно-зелёный цвет. Вверху развевался российский триколор, а над главным
входом тускло поблёскивал массивный бронзовый герб с двуглавым орлом. У железных ворот
начищенная медная табличка гласила: «*Consolato dell'Impero Russo*»¹⁴.

Рассчитавшись с извозчиком, Клим направился к входной двери. Швейцар в форменной
ливрее сделал шаг вперёд и вежливо, но твёрдо преградил ему путь.

– Вы к кому, сударь? – спросил он по-русски.

– К его превосходительству. По срочному делу, – спокойно ответил Ардашев.

Оценив уверенный тон и респектабельный вид визитёра, тот поклонился и сделал при-
глашающий жест рукой.

– Прошу вас.

Ардашев шагнул под своды широкой арки, ведущей во внутренний двор-колодец, типич-
ный для неаполитанских палаццо. Солнечный свет падал сюда лишь в полдень, и потому здесь
даже в летнюю жару всегда держалась спасительная тень. Вдоль стен стояли кадки с олеанд-
рами, а из небольшого фонтана в виде львиной головы тихо журчала вода.

Из дальнего угла двора на второй этаж вела широкая мраморная лестница. Поднявшись
по ней, Клим оказался в просторной приёмной. Ему показалось, будто он мгновенно перенёсся

¹⁴ *Consolato dell'Impero Russo* – «Консульство Российской империи» (итал.).

в один из коридоров родного Азиатского департамента на Дворцовой площади: тот же запах жжёного сургуча и натёртого воском паркета, та же гулкая тишина, нарушаемая лишь скрипом пера из-за приоткрытой двери соседнего кабинета.

За небольшим конторским столом сидел всего один человек – подтянутый господин с гладко выбритым лицом, второй секретарь консульства.

Он поднял голову от бумаг, оценивающе оглядев посетителя в статском платье.

– Слушаю вас, сударь, – выговорил он, не поднимаясь с места.

– Здравствуйте, – Клим приблизился к столу. – Чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел, титулярный советник¹⁵ Ардашев. Мне необходимо видеть его превосходительство по срочному делу.

На лице секретаря не дрогнул ни один мускул, но он задержал взгляд на посетителе. Должность чиновника по особым поручениям объясняла и отсутствие мундира, и требование немедленной аудиенции. Однако коллега Ардашева, не желая отступать от заведённых правил, осведомился:

– По какому вопросу вы собираетесь обратиться к его превосходительству?

Клим положил на зелёное сукно стола развёрнутый телеграфный бланк и спросил:

– Полагаю, этого будет достаточно?

Секретарь с лёгким недоумением, но уже без тени высокомерия пробежал глазами короткий текст: «Немедленно выезжайте в Неаполь. Все детали узнаете у консула на месте. Кло-сен-Смит».

По мере чтения лицо чиновника преобразилось. Надменность сменилась почтительностью. Имя отправителя, очевидно, говорило ему о многом.

– Ожидайте, сударь, – взволнованно проговорил он и вместе с телеграммой скрылся за высокой дверью.

Через мгновение секретарь появился снова и, почтительно склонив голову, произнёс:

– Его превосходительство вас ждёт.

Клим вошёл в кабинет. Помещение оказалось просторным и светлым. Слегка прикрытые шторы создавали в нём атмосферу уединения и располагали к сосредоточенной работе. Вдоль правой стены тянулись массивные книжные шкафы, заполненные ежегодниками Министерства иностранных дел, дипломатическими справочниками и томами Свода законов Российской империи. Слева – карта мира. Прямо за спиной консула висел портрет молодого Государя Николая II в золочёной раме.

Из-за письменного стола, заваленного бумагами, навстречу Ардашеву поднялся действительный статский советник¹⁶ Антон Адамович Сержпутовский. Взгляд Клим невольно задержался на фотографии в дорогой раме, стоявшей тут же: хозяин кабинета в парадном мундире был запечатлён рядом с императорской четой во время дворцовой церемонии. На его груди отчётливо виднелся золотой камергерский¹⁷ ключ на голубой ленте.

Он снял очки и, потирая переносицу, вышел навстречу. Облачённый в строгий тёмно-зелёный министерский мундир с бархатным воротником, консул, вероятно, выглядел бы сухим бюрократом, если бы не открытое, удивительно доброе лицо с аккуратными седеющими усами. И хоть на левой стороне его груди холодно блестела восьмиконечная звезда ордена Свя-

¹⁵ Титулярный советник – гражданский чин IX класса в Табели о рангах, соответствовал чину штабс-капитана, штабс-ротмистра, подъесаула и лейтенанта на флоте. Обращение: ваше благородие.

¹⁶ Действительный статский советник – гражданский чин IV класса в Табели о рангах, соответствовал чину генерал-майора в армии и контр-адмирала на флоте; давал право на потомственное дворянство. Обращение: ваше превосходительство.

¹⁷ Камергер (*от нем. Kammerherr*) – одно из высших почётных придворных званий в Российской империи. Знаком отличия служил специальный золотой ключ, который носили на мундире на голубой ленте. К началу XX века звание в основном стало почётной наградой, свидетельствующей о высоком положении и особой милости монарха.

того Станислава I степени, сам хозяин кабинета больше напоминал гимназического учителя, уставшего от проверки тетрадей, чем статского генерала.

– Господин Ардашев! Наконец-то! – воскликнул он радостно, но с едва уловимыми нотками тревоги. – Прошу вас, садитесь. Устали с дороги?

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – Ардашев слегка склонил голову, пожимая тонкую, сухую руку чиновника. – Добрался без приключений.

– И слава богу! – Он сел напротив и спросил: – Может быть, хотите чаю? Кофе?

– Нет-нет, не стоит беспокоиться. Я только что пил крепкий итальянский кофе.

– Вы курите?

– Есть грех.

– Так не стесняйтесь, – он придвинул массивную хрустальную пепельницу, – дымите, сколько душе угодно.

Но Ардашев, ещё зайдя в кабинет, поймал себя на мысли, что его хозяин не курит.

– Я не буду отравлять вам воздух, ваше превосходительство.

– Ну как угодно, – разведя руками, проговорил Сержпутовский, и в его глазах сверкнула искорка одобрения. – Вы уже нашли себе пристанище?

– Поселился в «Бристоле».

– О! Прекрасный выбор. Вероятно, раньше бывали в Неаполе?

– Нет, но, находясь в Ницце, увидел рекламу этого отеля в одной из местных газет.

– Там тоже были в командировке?

– Да, ваше превосходительство. Эту телеграмму мне принесли за несколько минут до отправления петербургского поезда. Я даже не успел сдать билет.

– Что ж, если вам нужны деньги, мы готовы оплатить все ваши расходы.

– Нет-нет, благодарю, ваше превосходительство. Средств у меня пока хватает.

– На какой период вы оплатили отель?

– Пока на неделю.

Консул покачал головой:

– Недели точно не хватит. Дело уж больно сложное.

– Я готов за него взяться.

– Мне, право, неудобно. Получается, вы из огня да в полымя... А может, отдохнёте, выпитесь хорошенько, а с утра я вас и озадачу? А то вижу: глаза у вас красные, уставшие, – с отеческой заботой вымолвил статский генерал.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, но я бы хотел уже сегодня приступить к выполнению вашего поручения.

– Ну что ж, так тому и быть. Три дня назад беда у нас стряслась. Наш соотечественник, крупный промышленник, купец I гильдии Платон Ерофеевич Чаплыгин брошен в зловонную тюрьму Викария при Кастель-Капуано. Его обвиняют в преднамеренном смертоубийстве графа Винченцо Монтесано. Этот шестидесятилетний неаполитанский аристократ вознамерился устроить аукцион по продаже уникальных редкостей эпохи Ренессанса. Ещё месяц назад он дал об этом объявление во всех ведущих европейских газетах и указал список предназначенных для продажи раритетов. Петербургский негоциант узнал об этом и послал телеграмму, предложив встретиться с ним ещё до начала торгов и совершить сделку по приобретению одного артефакта. Оговорили цену. Тот согласился. Дело в том, что наш фабрикант заражён страстью к коллекционированию антиквариата. Значительную часть своего собрания он совершенно бескорыстно передал в Эрмитаж, чем заслужил благодарность государя. Платон Ерофеевич срочно выехал в Неаполь и навестил Монтесано. Сколько раз он приходил к нему, я точно не знаю. Но вот после одного из визитов Чаплыгина графа нашли мёртвым. Его зарезали каким-то странным средневековым кинжалом, а та самая ценная вещица, которую Платон Ерофеевич намеревался заполучить, исчезла. Соответственно, в преступлении заподозрили

Чаплыгина и тотчас арестовали прямо в отеле. После допроса его препроводили в острог. И вам предстоит его оттуда вытащить. Я убеждён, что он невиновен. Этот фабрикант настолько богат, что мог бы купить городской музей. Он бы никогда не пошёл на душегубство ради какого-то там золотого креста-распятия. Да и в заключении он долго не протянет. В этом переполненном уголовниками узилище всем заправляет здешняя преступная организация – каморра. С его открытой душой и прямолинейным характером он быстро наживёт себе врагов. Платон Ерофеевич – человек, известный при дворе. И сам государь уже справлялся у министра о его судьбе. Вот поэтому вас так спешно и направили к нам из Ниццы.

– Простите, ваше превосходительство, адвокат у него есть?

– Мы его обязательно пригласим. Но в любом случае это будет местный присяжный поверенный. А я не особенно доверяю чужестранцам. Да и не пойдёт он против собственной власти. Обстановка в Италии беспокойная. В Королевстве бушуют протесты, нарастает влияние анархистов и социалистов, а в Африке того и гляди со дня на день война с эфиопами разразится. У тайной и уголовной полиции дел по горло. Никто не будет глубоко вникать в детали обвинения русского подданного. Тем более что квестура¹⁸ Неаполя работает на износ, выискивая шпионов, смутьянов и врагов Короны. А делегат¹⁹ Чезаре Червелло уже раструбил всем газетам, что преступник найден. Вот, – консул взял со стола свёрнутую *Il Mattino*²⁰ и протянул Ардашеву, – посмотрите, что в передовице. Там же внизу и фотография этого хвастливого сыщика.

Клим прочитал вслух:

– «Убийство графа Монтесано раскрыто! Мы поймали злодея с поличным! – заявил репортёрам Чезаре Червелло. – Руки русского купца по локоть в крови, и в этом нет ни малейшего сомнения! Да свершится правосудие!...»

– Кстати, Чезаре Червелло переводится как «царственный ум» или «императорский мозг». Лично я не сталкивался с этим субъектом, однако сдаётся мне, что его поступки не особенно сочетаются со смыслом имени и фамилии. Ну и каково вам дельце?

– Насколько я понимаю, суть моего поручения состоит в том, чтобы отыскать истинного убийцу графа Монтесано? – подняв глаза, спросил Ардашев.

– Совершенно верно!

– Не стану скрывать от вас, что сделать это будет непросто. Я ведь итальянским не владею.

– Я бы с радостью дал вам переводчика, но, признаться, у меня и так людей не хватает. Однако, – консул улыбнулся, – мы готовы оплатить услуги местного толмача.

– Пожалуй, это выход, – согласился Клим. – Деньги у меня ещё остались, не беспокойтесь. Но понадобится доверенность за вашей подписью и печатью, уполномочивающая меня от имени российского консульства принимать полное участие в судьбе Платона Ерофеевича Чаплыгина.

Статский генерал хитро улыбнулся, открыл ящик стола и передал Ардашеву конверт:

– Всё уже готово. Прошу.

Клим вынул бумагу, пробежал глазами по тексту и, довольно кивнув, сказал:

– Великолепно.

– Что-нибудь ещё?

¹⁸ Квестура (*итал. questura*) – главное полицейское управление города или провинции в Италии. В конце XIX века квестура совмещала в себе функции охраны общественного порядка, политического сыска и уголовной полиции.

¹⁹ Делегат (полное наименование – *Delegato di pubblica sicurezza*, итал. «делегат общественной безопасности») – должностное лицо корпуса судебной полиции в Королевстве Италия, уполномоченное вести дознание по уголовным делам до передачи материалов судебному следователю (*giudice istruttore*).

²⁰ *Il Mattino* (Иль Маттино) – ведущая ежедневная газета Неаполя и всего юга Италии. Основана в 1892 году знаменитыми журналистами Эдоардо Скарфольо и Матильдой Серао. Газета быстро завоевала огромную популярность благодаря живому языку, острому освещению городских событий и громким полемическим статьям. В 1895 году она уже была самым читаемым и влиятельным изданием в городе.

– Ваше превосходительство, на адрес консульства могут приходить письма на моё имя. Прошу оставлять их мне.

– У вас какой номер в «Бристоле»?

– Семнадцатый.

– Не беспокойтесь, отправлю вам нарочным.

– Признательно вам благодарен, – вымолвил Клим и убрал документ во внутренний карман сюртука.

– Если не секрет, куда вы сейчас собираетесь направиться?

– В полицейское управление. Познакомлюсь с этим «царственным умом» – Чезаре Червелло.

– Мой кучер вас туда отвезёт. Я распоряжусь. Подождите во внутреннем дворике. Покупите. А то ведь битый час без табака мучаетесь.

– Благодарю, ваше превосходительство!

СержпUTOвский поднялся со своего места, следом встал и Ардашев.

– У меня к вам, Клим Пантелеевич, тоже есть две небольшие просьбы: во-первых, хотя бы раз в неделю появляйтесь у меня, дабы я знал, как идут ваши дела; а во-вторых, обращайтесь ко мне по имени-отчеству, договорились?

– С радостью, Антон Адамович.

– Желаю вам удачи! – протянув руку, проговорил консул.

– Спасибо! Всего доброго! – ответил на рукопожатие Клим.

Ардашев вновь оказался в прохладном патио. Тишина, нарушаемая лишь мерным журчанием фонтана, казалась приятной и успокаивающей после серьёзного разговора. Он достал из портсигара сигарету и закурил. Но не успел Клим сделать и трёх затяжек, как из-за арки донёсся цокот копыт и в ворота вкатилась карета тёмно-вишнёвого цвета. На лакированной дверце, под небольшой императорской короной, тускло поблёскивал золотой двуглавый орёл.

С козел легко спрыгнул кучер – пожилой итальянец с выправкой старого солдата, облачённый в строгий тёмный сюртук и цилиндр. Он с поклоном распахнул перед Ардашевым дверцу.

– К вашим услугам, синьор.

Клим кивнул, бросил окурки в кадку с песком и сел на мягкое сиденье. Внутри ощущался едва уловимый аромат духов, которыми, вероятно, пользовалась супруга консула. Слегка покачиваясь на рессорах, карета вновь выкатилась на набережную и побежала в обратном направлении.

На этот раз парадный фасад Неаполя сменился его деловым, бурлящим центром. Экипаж скользнул в проезд между Королевским дворцом и знаменитым театром Сан-Карло. Клим понимал, что местоположение квестуры было выбрано не случайно. Здесь, на пространстве в несколько сотен шагов, сосредоточилась вся власть города: мэрия и префектура в Палаццо Сан-Джакомо, главный банк, портовая таможня и полиция. Это был мозговой центр, управлявший Неаполем.

Наконец они выбрались на широкую Виа Медина. Здесь грохотали по брусчатке омнибусы, звенели колокольчиками конки, бежали фиакры, пролётки и корриколо. Дух этого места, казалось, состоял из криков разносчиков лимонада, запаха жареной рыбы из ближайшей trattoria, аромата крепкого кофе и неизбежного для любого большого города амбре – конского навоза.

– Приехали, синьор, – доложил кучер и услужливо открыл дверцу.

Ардашев благодарно кивнул и вышел.

Здание квестуры возвышалось над остальными. Массивное монастырское строение переделали под нужды государства без особых изысков. Его строгий неоклассический фасад выглядел солидно, но несколько угрюмо. Полукруглые и высокие окна верхних этажей равнодушно

взирали на суету города, а нижние, как и следовало ожидать, были забраны толстыми чугунными решётками. У входа толпились чиновники в потёртых костюмах, городовые в форме, просители и свидетели. Двое стражников ввели юношу в ручных кандалах, испуганно озиравшегося по сторонам.

Клим поправил запонки на белоснежных манжетах и решительно зашагал на встречу с итальянским сыщиком.

Глава 5

Кровь в доме Божьем

26 апреля 1478 года

Воскресное утреннее солнце заливало Флоренцию ярким светом. Казалось, весь город стянулся к своему каменному сердцу – Соборной площади. Толпы людей, которым не хватило места внутри, загрохотали пространство перед храмом, превратив его в живое море. Они благоговейно ловили звуки службы, льющиеся из гигантских распахнутых врат. А внутри, в необъятном чреве Санта-Мария-дель-Фьоре, спроектированном так, чтобы вместить целую нацию, под гениальным куполом Брунеллески²¹ колыхалось плотное море из десяти тысяч голов. Здесь запахи ладана, воска и пота тысяч тел смешивались с хоровым пением, возносящимся к расписанным небесам свода. Шла торжественная месса.

Лоренцо Медичи стоял в окружении друзей и придворных. Его младший брат, красавец Джулиано, находился чуть поодаль, ближе к хорам. В их лицах читалась привычная благочестивая скука, подобающая правителям, вынужденным демонстрировать народу почтение к Богу. Они не замечали напряжённых взглядов, бросаемых на них из разных концов собора. Не видели, как Франческо Пацци нервно переминается с ноги на ногу, как священник Антонио Маффеи поправляет под рясой спрятанный кинжал, как Бернардо Бандини хищно шурится, высматривая жертву. Заговорщики ждали сигнала.

И вот момент настал.

Священник у алтаря закончил молитву. В наступившей тишине раздался пронзительный звон серебряного колокольчика. Десять тысяч человек, как один, преклонили колени. В воздетых руках священника взмыла над алтарём гостия²² – Тело Христово. В этот миг абсолютной духовной сосредоточенности, когда сердца флорентийцев устремились к небу, на земле разверзся ад.

Это и был сигнал.

Атака началась одновременно с двух сторон, подобно удару молнии.

Сначала настигли Джулиано.словно из-под земли вырос Бернардо Бандини, а следом за ним, с лицом, искажённым гримасой ненависти, ринулся Франческо Пацци. Джулиано, атлетически сложенный и сильный, попытался выхватить клинок, но первый удар Бандини в спину заставил его согнуться. А затем на него обрушился град ранений. Франческо Пацци, обезумев от ярости, резал и колот, не разбирая куда. Сталь входила в тело молодого Медичи снова и снова – девятнадцать раз. В слепом исступлении, нанося очередной выпад, Пацци промахнулся и с животным рыком вонзил кинжал в собственное бедро. Но боли он не почувствовал. Джулиано рухнул на мраморный пол в лужу мгновенно растекающейся крови. Жизнь покинула его прежде, чем тело коснулось камня.

В пятидесяти браччо²³ оттуда, под самым куполом, Лоренцо услышал крик, но не успел понять его причину. Сзади на него набросились двое в сутанах – монах Стефано де Баньоне и священник Антонио Маффеи, чья крепкая рука схватила правителя за плечо, пытаясь раз-

²¹ Купол Брунеллески – купол кафедрального собора Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, возведённый архитектором Филиппо Брунеллески в 1420–1436 гг. Величайший шедевр архитектуры Раннего Возрождения и главный символ города; до сих пор является самым большим кирпичным куполом в мире.

²² Гостия (*lat. hostia – жертва*) – литургический хлеб в католической традиции. Момент вознесения гостии священником является кульминацией мессы. Считается, что в эту секунду она пресуществляется (превращается) в Тело Христово, поэтому всё внимание верующих приковано к алтарю. Заговорщики выбрали этот миг абсолютной духовной концентрации для своего удара.

²³ Браччо (*ital. braccio – рука*) – старинная итальянская мера длины, равная примерно 58 см.

вернуть для смертельного удара. У Лоренцо, охотника и турнирного бойца, реакция работала безупречно. Он резко дёрнулся в сторону. Клинок, предназначавшийся сердцу, лишь оцарапал шею.

В то же мгновение второй убийца, де Баньоне, нанёс удар со спины. Но Лоренцо уже обернулся. Кинжал, нацеленный в горло, соскользнул ниже и с глухим лязгом врезался в массивный золотой крест, скрытый под дорогим камзолом. Звук смятого металла утонул в первых криках паники, охватившей собор. Лезвие соскочило, не причинив вреда.

Правитель Флоренции, раненый, но непобеждённый, одним движением выхватил короткий меч из-под плаща и обмотал другую руку тканью, создавая импровизированный щит. Он отступил на шаг, готовый дорого продать жизнь.

Крики переросли в рёв. Толпа, секунду назад стоявшая на коленях в молитве, в панике хлынула к выходам, давя друг друга.

Бернардо Бандини, увидев, что Лоренцо жив, а его сообщники-священники топчутся в нерешительности, с проклятием бросился через хоры, чтобы завершить дело. Путь ему преградил Франческо Нори, управляющий банком Медичи, невысокий человек в летах. Заметив, несущегося на своего патрона убийцу с окровавленным мечом, Нори без колебаний шагнул вперёд. Он встал живым щитом между Лоренцо и Бандини. Смертельный удар, предназначенный Великолепному, пронзил верного слугу. Нори упал замертво, подарив своему господину бесценные секунды.

В этот момент хаоса к Лоренцо бросился его друг, поэт и гуманист Анджело Полициано. Человек книги, а не клинка, он действовал с поразительной ясностью ума.

– В ризницу, синьор! Скорее! – крикнул он, отталкивая растерявшихся друзей Лоренцо, молодых оруженосцев Кавальканти.

Полициано схватил раненого правителя за руку и потащил к северной сакристии²⁴. За ними устремились верные телохранители. Вместе они добежали до бронзовых створок, украшенных барельефами Луки делла Роббиа. Оказавшись внутри, они из последних сил навалились на прочные двери и задвинули кованый засов. С той стороны слышались удары и яростные крики.

Наконец-то они оказались в безопасности. Ризница была надёжна, как крепость.

– Кинжал мог быть отравлен! – выдохнул Антонио Ридольфи, ещё один преданный друг. Не мешкая, он припал губами к зияющей ране на шее Лоренцо и начал отсасывать кровь, рискуя собственной жизнью.

Снаружи бушевала буря. Внутри сакристии несколько человек, задышавшись, прислушивались к звукам. Сиджизмондо делла Стуффа, самый юный и проворный, вскарабкался наверх, к галерее органа, чтобы через решётку осмотреть собор. Вскоре он спустился.

– Там наши! Друзья! – крикнул он.

Двери открыли. Верные сторонники Медичи плотным кольцом окружили раненого Лоренцо.

– Только не возвращайтесь туда, – тихо скомандовал Анджело Полициано, указывая в сторону алтаря, где на мраморе распласталось тело Джулиано.

Лоренцо вывели из собора окольным путём, оберегая от вида погибшего брата. Он шёл, опираясь на плечи друзей, крепко сжимая рукоять меча. На его груди, под разрезанным камзолом, виднелся глубоко вмятый золотой крест, принявший на себя удар нападавшего. В этот день он перестал быть просто украшением, превратившись в святыню.

Заговорщики пролили кровь, но им не удалось обезглавить республику – её правитель выжил. И он жаждал мести.

²⁴ Сакристия (от лат. *sacrarium* – *святителище*) – в католических храмах ризница, вспомогательное помещение сбоку от алтаря, где хранятся церковная утварь, священные сосуды и облачение священников.

Глава 6

«Царственный ум»

В гулком вестибюле квестуры, пахнущем табаком и сыростью, Ардашева встретил дежурный полицейский в заношенном мундире. С трудом поняв французскую речь визитёра, он бросил на него недовольный взгляд и, не сказав ни слова, удалился по длинному, тускло освещённому коридору.

Клим ничего не оставалось, как ждать его возвращения. Он устроился на жёсткой деревянной скамье. Время тянулось мучительно медленно. Мимо него провели плачущую женщину, а следом проковылял на костылях старик с перевязанной головой. Затем, стуча подковками сапог, проследовал наряд городских стражников. Из-за закрытых дверей доносились обрывки криков, приглушённые споры и монотонный стук пишущей машинки.

Дежурный вернулся через десять минут.

– Господин делегат занят неотложным делом, – безразличным тоном сообщил он по-итальянски. – Велел вам подождать.

Ардашев молча кивнул, догадываясь о смысле сказанного. Он прекрасно понимал, что это дешёвая игра, попытка с самого начала показать, кто здесь хозяин. Он достал из кармана портсигар, щёлкнул крышкой и, несмотря на запрещающую надпись на стене, закурил, медленно выпуская дым. Никто не сделал ему ни единого замечания. Судя по всему, в Италии правила не чтили даже в полиции.

Лишь через три четверти часа, когда уже второй окурок был выброшен за дверь, тот же самый «мундир» вновь подошёл к нему и, с долей уважения в голосе, пригласил пройти.

Кабинет делегата оказался небольшой комнатой. Сквозь широкие деревянные планки опущенных венецианских жалюзи в помещение пробивалось южное солнце, рисуя на полу полосатую тень. На стене висело простое распятие и официальный портрет короля Умберто I.

За столом, заваленным бесчисленными папками, сидел мужчина лет сорока пяти с усами-трапедией и бритым подбородком. Заметная проплешина, потный лоб и недоверчивые глаза напомнили фотографию, которую несколько минут назад Клим увидел в газете. Делегат Чезаре Червелло демонстративно достал из круглой коробочки мятный леденец, отправил его в рот и, не предлагая незваному гостю сесть, произнёс:

– Слушаю вас, синьор... Мне доложили, что вы настаивали на срочной встрече... *Parlez-vous français?*²⁵

– Да, разумеется, – спокойно перешёл на французский дипломат. – Клим Ардашев, чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел России.

Он извлёк из внутреннего кармана сюртука конверт, вынул оттуда сложенный вдвое лист и положил его на стол перед полицейским.

Червелло взял документ. Плотная гербовая бумага и большая печать с двуглавым орлом не оставляли сомнений в его подлинности. Он быстро пробежал глазами по тексту: «...уполномочиваю титулярного советника, чиновника по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской империи господина Ардашева Клина Пантелеевича представлять интересы консульства по делу... купца I гильдии Чаплыгина Платона Ерофеевича...»

«Стандартная дипломатическая процедура», – мысленно усмехнулся сыщик, но следующие строки заставили его нахмуриться. В доверенности говорилось, что поверенному вменяется в обязанность «...обеспечение и защита всех личных, имущественных и законных прав...» российского подданного.

²⁵ Parlez-vous français? – Вы говорите по-французски? (франц.).

Чезаре Червелло поднял взгляд на Ардашева. Он прекрасно понял, что скрывается за этой обтекаемой фразой. Это был официальный пропуск в дело, оформленный так, что комар носа не подточит. Тяжело вздохнув, он указал рукой на стул.

– Прошу садиться, синьор Ардашев.

Клим, забрав документ, расположился напротив.

– Итак, господин делегат. Купец первой гильдии, человек с безупречной репутацией, брошен в тюремную камеру. Я хотел бы знать, какие для этого имеются основания.

– Основания, уж поверьте, самые веские, – Червелло оперся локтями на стол, и его голос обрёл уверенность. – Во вторник вечером, 26 числа, конте²⁶ Винченцо Монтесано был найден мёртвым в кабинете палаццо в Испанских кварталах, в переулке Семи Скорбей, что сразу за Виа Толедо. Зрелище, доложу я вам, не для слабонервных. Старик был в буквальном смысле пригвождён к спинке дубового кресла, точно бабочка, нанизанная на булавку. Лезвие вошло в сердце. Мгновенная смерть.

– Орудие преступления установлено?

– О, да. И это весьма примечательный предмет. Не стилет и не кухонный нож. Это старинный средневековый кинжал, так называемый баллок, с характерной формой рукояти. Висел на стене кабинета. Вернее, таковых было два. И ваш соотечественник схватил один из них и ударил графа.

– А каков, по-вашему, мотив?

– Корысть! Он несколько дней обивал пороги палаццо. Монтесано владел уникальной коллекцией эпохи Ренессанса. Русский купец страстно желал приобрести одну вещь. Но они не сошлись в цене.

– Что за вещь?

– Распятие, некогда принадлежавшее самому Лоренцо Медичи. Бесценная работа. И знаете, синьор Ардашев, оно исчезло. Из всего собрания пропала только эта штука. К тому же Чаплыгин был последним, кто посетил графа тем вечером, это подтверждает пожилой швейцар палаццо Паскуале Эспозито, вышедший выкурить трубку у самого входа. Он отчётливо видел, как русский купец стремительно выбежал из ворот, едва не сбив его с ног. Вполне очевидно, что ссора переросла в драку, затем ваш соотечественник швырнул Монтесано в кресло и, сорвав со стены кинжал, пригвоздил несчастного к спинке. Убийца скрылся, прихватив то, за чем пришёл.

– Это всего лишь гипотеза, господин делегат. Но для обвинения российского подданного такого ранга нужны вещественные доказательства, а не только показания слуги.

– У нас есть улика! – Червелло победоносно откинулся на спинку стула, отчего тот жалобно скрипнул. – В кабинете, на полу, под залитым кровью креслом, мы нашли вещь, обрonnenную в спешке убийцей, – серебряную таблетницу. Искуснейшая русская работа, с эмалью. Внутри – пилюли от сердца. Ваш Чаплыгин ведь немолод, не так ли? Да вы бы видели, как он затрясся, когда мы вошли в его номер. Тут всё предельно ясно.

– Таблетницу можно потерять где угодно. А испуг уже немолодого иностранца, не ожидавшего полицию, легко принять за панику виновного. На основании моих полномочий, господин Червелло, я требую немедленного доступа к материалам дознания, списку изъятых улик и протоколам осмотра места происшествия.

На лице делегата появилась усмешка. Он покачал головой.

– Нет уж, синьор Ардашев. При всём моём уважении к вам и господину консулу, я вынужден отказать.

– Вы отказываете официальному представителю Российской империи?

²⁶ Конте (*итал. conte, от латинского comes – спутник, соратник*) – западноевропейский дворянский титул, эквивалентный русскому титулу «граф». В иерархии итальянской знати находился выше барона, но ниже маркиза (*marchese*) и герцога (*duca*).

– Я соблюдаю закон Итальянского королевства. Существует такое понятие, как *segreto istruttorio* – тайна следствия. До передачи дела прокурору материалы дознания закрыты для посторонних. Кем бы они ни являлись.

– Но фотографию с места происшествия позвольте посмотреть?

Сыщик вздохнул и, вынув из серой папки карточку, бросил перед Климом:

– Вот. Но больше ни на что не рассчитывайте.

На снимке застыл человек, сидящий в деревянном кресле с расширенными от ужаса глазами. Он был немолод, слегка плешив, брил подбородок и, видимо, фиксатуарил редкие уже усики.

Ардашев спросил:

– А кровь на одежде господина Чаплыгина обнаружили?

– Нет, – убирая назад фото, отрезал полицейский.

– Странно.

– Это почему же?

– Кинжал вошёл чуть ли не по самую рукоять. Чтобы вогнать его столь глубоко, надо было навалиться на сидящего в кресле. А это неминуемо привело бы к касанию, и, следовательно, одежда нападавшего была бы запачкана кровью.

– А вы что ж, сыщик или судебный медик? – ехидно улыбнувшись, осведомился делегат.

– Нет, но это мне подсказывает здравый смысл.

– Мне он тоже говорит, что ваш соотечественник – убийца, причём обладающий недюжинной силой. Ему и наваливаться на жертву не надо, достаточно хорошо размахнуться и всадить клинок.

– Что ж, в таком случае я требую немедленной встречи с ним. В этом вы не можете мне отказать.

Червелло погнался во рту леденец и сказал:

– Свидание с арестованным я вам обеспечу. Идите, побеседуйте с душегубом. Посоветуйте ему чистосердечно сознаться и помолиться за душу убиенного Винченцо Монтесано. Однако должен вам заметить, что ни консульские бумаги, ни ваши усилия ему уже не помогут. Правосудие в Неаполе бывает неспешным, но в таких очевидных случаях оно бьёт так же верно, как тот кинжал.

– Я рад, что мы достигли взаимопонимания хотя бы в этом.

С тяжёлым вздохом, словно ему приходилось выполнять самую неприятную в мире работу, Червелло выдвинул ящик стола, достал типографский бланк в треть почтового листа и, макнув перо в чернильницу, вывел нужные строки.

– Можете ехать хоть сейчас, – произнёс он, не отрываясь от бумаги. – Тюрьма Викария при Капель-Капуано. Любой извозчик знает.

– Сколько разрешите посещений? – коротко спросил Клим.

– Одно. Продолжительность: тридцать минут. Ни секундой больше. Таков порядок для дел об убийстве. Нужно будет ещё – приходите. Выдам.

Он расписался, дыхнул на печать, оставил отгис и протянул бумагу Ардашеву.

Клим аккуратно убрал документ во внутренний карман сюртука.

– И последнее, господин делегат. Я был бы вам исключительно признателен, если бы вы оставили мне ваш телефонный номер. Вдруг придётся срочно с вами связаться?

В глазах Червелло промелькнуло раздражение, но отказывать в подобной просьбе было бы нарушением профессиональной этики. Он дёрнул плечом и сказал:

– Записывайте. Хотя сомневаюсь, что вам будет о чём сообщить. Разве что о раскаянии и чистосердечном признании вашего купца?

Ардашев вынул записную книжку, и Червелло продиктовал несколько цифр. Затем вдруг спросил:

- А вас где искать? Вы, насколько я понял, прибыли из России?
- Из Ниццы. Я остановился в отеле «Бристоль».
- О! Это один из самых роскошных отелей! – восторженно выговорил сыщик.
- Возможно, – пожал плечами дипломат. – Однако я благодарю вас за уделённое время. –

Клим встал и коротко кивнул.

– Не за что, синьор, – поднявшись, проговорил сыщик и добавил: – Завтра в десять часов тело графа будет выставлено в палаццо для прощания семьи и ближайших друзей. Судья только сегодня разрешил вернуть труп с экспертизы. Надеюсь, вы принесёте не только венок с покаянной надписью от вашего консульства, но и самые искренние извинения.

– Всенепременно. Честь имею, – бросил на прощание Ардашев и покинул кабинет. Он прошёл мимо той же жёсткой скамьи и дверей, из-за которых всё так же доносились крики и стучала машинка.

Выйдя на свежий воздух, чиновник по особым поручениям мысленно проговорил: «Ну что ж, в тюрьму так в тюрьму».

Глава 7

Месть

27 апреля 1478 года, Флоренция

В затемнённых покоях Палаццо Медичи поселилась тревога, разгоняемая тихими разговорами и вином. Пока лекарь туго перевязывал порез на шее Лоренцо, тот сидел неподвижно, глядя в пустоту. Физическая боль казалась ничтожной, но рана жгла его огнём унижения. Это была не славная отметина воина, полученная на поле боя, а клеймо жертвы, застигнутой врасплох в святом месте. Она кричала всему миру, что он, Великолепный, всевидящий и всемогущий, оказался уязвим.

И что самое страшное – отметина оказалась позорно неглубокой. Девятнадцать ударов для Джулиано, и лишь эта жалкая царапина для Лоренцо, главной цели. Она служила вечным, издевательским напоминанием о его неспособности защитить брата. Враги оказались сильны, сумев отнять у него самое дорогое, но слишком неумелы, чтобы довести дело до конца. Его лицо, обычно живое и подвижное, превратилось в каменную маску, скрывавшую эту бурю стыда и ярости.

Рядом, бледный от пережитого ужаса, стоял поэт Анджеоло Полициано, видевший лишь раненого правителя, но не понимавший глубины его душевной трагедии.

– Слышите, синьор? – прошептал он, вслушиваясь в шум, доносившийся извне. – Это народ. Они кричат ваше имя.

– Это не моё имя звучит, Анджеоло. Они требуют возмездия за Джулиано.

Снаружи, за окнами, разгоралось пламя, неподвластное даже проливному дождю. Город превратился в раненого зверя, инстинктивно ищущего того, кто нанёс ему удар. И он нашёл. Первым звуком, прорвавшимся сквозь звон церковных колоколов, был не плач, а рёв. Громоподобный раскат, родившийся в сотнях глоток: «*Palle! Palle! Palle!*». Шары! Так флорентийцы именовали алые сферы на фамильном гербе династии. Этот боевой призыв, символ могущества Медичи, в одно мгновение превратился в клич мстителей. Заговорщики, надеявшиеся на народное восстание, с ужасом осознали допущенную ошибку: они напали не на тирана, а на любимца города.

В комнату ворвался капитан дворцовой стражи, его доспехи были забрызганы чьей-то кровью.

– Синьор Лоренцо, архиепископ Пизы Франческо Сальвиати в наших руках. Он заперт в Палаццо Веккьо вместе с другими. Что прикажете?

Лоренцо поднялся. Лекарь попытался его удержать, но правитель лишь отмахнулся.

– Прикажу? – его голос был тихим, но в нём звенела сталь. – Нет! Я покажу! Пошли.

Этот стихийный, кровавый самосуд оказался лишь прелюдией. Настоящая месть Лоренцо была жестокой и публичной. Он вышел на балкон с видом на площадь Синьории. Внизу бушевало море людей.

– Пусть смотрят, – бросил Лоренцо, глядя не на толпу, а на окна правительственного дворца. – Выведите Сальвиати.

Через несколько минут перед лицом всего города произошло немыслимое. Архиепископа, не снимая с него лиловых риз, подтащили к окну и повесили. В предсмертной агонии, чтобы ослабить верёвку, давившую на шею, он вцепился зубами в уже болтавшееся рядом тело Франческо Пацци – того самого, что с безумной яростью наносил удары мёртвому Джулиано.

Полициано, стоявший рядом с Лоренцо, побледнел.

– Повесить архиепископа... в его облачении... Синьор, Рим будет в ярости. Папа отлучит от церкви весь город!

– Пусть, – отрезал Лоренцо. – Понтифик послал нам убийцу в рясе. Мы вернули ему тело в том же одеянии. Это не жестокость, Анджело, а единственный язык, понятный заговорщикам. А Франческо Пацци... его отыскиали?

– Да, синьор. Франческо вытащили из постели, где он укрывался после ранения. Толпа протащила беглеца нагим по улицам и вздёрнула, как вы и велели.

– Хорошо. Пусть все видят позор предателя.

Останки казнённых стали жутким украшением правительственного здания. Глава клана, старый Якопо Пацци, после недолгого бегства занял своё место рядом с ними на виселице. Но даже земля не приняла предателя: похороненный в священной обители, он вскоре был выкопан обезумевшей толпой. Тело волокли по мостовым, его головой стучали в двери его собственного дворца, а затем швырнули в мутные воды Арно, как падаль.

Несколько дней спустя, когда волна казней спала, Лоренцо собрал ближайших советников.

– Синьор, мы конфисковали их имущество, – доложил один из них. – Дворцы, земли... всё перешло республике.

– Этого мало, – тихо произнёс Лоренцо, перебирая чётки из чёрного дерева. – Я не хочу, чтобы через сто лет какой-нибудь флорентийский мальчишка спросил, кто такие Пацци. Их имя не должно существовать.

Полициано кивнул, уловив мысль покровителя.

– *Damnatio memoriae*, – прошептал он. – Проклятие памяти, как в Древнем Риме.

– Именно, – глаза Лоренцо сверкнули. – Сбейте гербы заговорщиков. Переименуйте улицы. Запретите их дочерям выходить замуж. Этот род должен умереть здесь и сейчас. И ты, Анджело...

Он повернулся к поэту.

– Ты всё видел. Твой долг – поведать об этом. Напиши так, чтобы все в Италии и за её пределами знали цену предательства во Флоренции. Найди Боттичелли. Пусть он нарисует их повешенные тела на стенах дворца. Искусство тоже может быть оружием.

И мастер повиновался. Сандро Боттичелли, чья кисть привыкла создавать «Весну» и рождать из пены богинь, взялся за самую мрачную свою работу. Вскоре на фасаде Палаццо дель Подеста – Барджелло, на виду у всей Флоренции, явилась галерея позора: архиепископ, Франческо Пацци и другие заговорщики, изображённые повешенными за одну ногу, как и подобало бунтовщикам. Написанные с безжалостным реализмом, их изломанные тела и искажённые предсмертной мукой лица стали вечным напоминанием о цене измены. Этот живописный манифест смотрел на город шестнадцать лет, пока падение династии Медичи не уничтожило сами фрески, стерев позор предателей наряду с символом могущества их судей, потому что искусство, ставшее орудием политики, живёт и умирает вместе с режимом, его породившим.

Лоренцо крестился огнём, наполнив прозвище «Великолепный» новым, грозным смыслом. Месть правителя была не актом слепой ярости, а политическим заявлением. Он показал Папе, королю Неаполя и всей Италии, что Флоренция – его вотчина, и за посягательство на эти владения он будет карать с беспощадностью, достойной цезарей. И на фундаменте всеобщего страха он построил мир, в котором Леонардо и Микеланджело смогли творить свободно, без оглядки на звон мечей.

Глава 8

Узник

Ардашев расплатился с кучером, оставив ему лиру сверх оговорённой суммы, и ступил на выложенный камнем тротуар. Экипаж, не мешкая, развернулся и покатыл прочь, словно возница боялся задержаться здесь даже на лишнюю минуту.

Перед дипломатом высилась тюрьма Викария при Кастель-Капуано, тюремный корпус старинной крепости-суда, лишённый каких бы то ни было изысков. Здание напоминало гигантского паука, сплётшего сеть из человеческих пороков и горя. Редкие, узкие окна, как глаза слепца, смотрели в никуда. Клим невольно подумал, что стоило лишь оказаться по ту сторону каменного забора, как жизнь, полная радостей и пустяковых волнений, тотчас превратится в тягучее, как расплавленная гуттаперча, мучение.

Внешнюю неприступность острога нарушала лишь небольшая, окованная железом дверь, в которую Ардашев и вошёл. Он предъявил разрешение на свидание немолодому офицеру с усталыми, выцветшими, как у старика, глазами. Тот повертел бумагу в руках, кивнул, prorочил «*giùso*» и велел следовать за ним. Затем он что-то пояснил конвоиру, и тот сопроводил дипломата по длинным, гулким коридорам, где каждый шаг отдавался многократным эхом. Лязг засова, скрежет ключа в замке, резкий щелчок – они двигались вглубь тюремного лабиринта, и с каждым новым пройденным порогом солнечный свет и воздух воли казались всё более далёкими воспоминаниями. Наконец его ввели в тесную каморку и оставили одного, заперев её снаружи.

Клим огляделся. Это была комната для встреч. Топорно сколоченный стол и два табурета. Высокое, забранное толстой решёткой окно под самым потолком пропускало лишь пыльный, неживой столб света. И здесь, в замкнутом пространстве, на Ардашева разом обрушился острожный дух – густая, тошнотворная смесь сырости, кислого варева и дешёвого табака. Он мысленно усмехнулся, вспомнив своё пребывание в английской темнице восемь лет тому назад²⁷. «Все тюрьмы пахнут одинаково», – подумал он в тот момент, когда в скважине повернулся ключ и дверь со скрипом отворилась. Двое охранников бесцеремонно втокнули внутрь высокого, грузного мужчину. Это был Платон Ерофеевич Чаплыгин, но от прежнего русского медведя осталась лишь тень. Его могучая фигура ссутулилась под мешковатой арестантской робой, делавшей его не внушительным, а просто большим и неуклюжим. Окладистая, некогда холёная борода теперь висела растрёпанными, тусклыми космами, тронутыми не благородной сединой, а грязью. Он дышал тяжело, и в каждом рваном, хриплом вдохе слышалось отчаяние человека, лишённого спасительных пилюль. Конвоиры вышли, и лязг засова оставил их наедине.

Они не произнесли ни слова, а лишь смотрели друг на друга: элегантный, молодой чиновник в безупречном сюртуке, источающий аромат парфюма и дорогого табака, и сломленный гигант, от которого веяло отчаянием и неволей. Два осколка родной и непостижимо далёкой теперь России, столкнувшиеся в этой смрадной неаполитанской каморке.

Первым молчание нарушил Ардашев.

– Платон Ерофеевич, – произнёс он, глядя на арестанта. – Фамилия моя Ардашев, зовут – Клим Пантелеевич. Я чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел. Меня прислали, чтобы вытащить вас отсюда. Сам государь переживает за вас.

В глазах купца, до этого почти безжизненных, блеснула надежда, и две крупные слезинки покатались по его спутанной бороде.

²⁷ Об этом читайте в романе «Убийство под Темзой».

- Ну, слава Богу... – хрипло выдохнул он, глядя куда-то в угол, – услышал мои молитвы.
- Расскажите, пожалуйста, как всё произошло, с самого начала.
- Чёрт меня дёрнул связаться с этим итальяшкой, прости Господи...
- С графом Монтесано?

– С ним, с проклятым. Я ведь, Клим Пантелеевич, человек со страстью. Не пью, не блужу, а вот до старины охоч. Коллекцию собираю. Так вот, прознал я, что у этого Монтесано, потомка древнего, но нищего рода, есть вещь одна. Не вещь – сама история!

Глаза купца загорелись прежним, фанатичным огнём коллекционера. Он наклонился, понизив голос до заговорщического шёпота.

– «Распятие Пацци»... Вы слыхали о таком? Нет? Это наперсный крест, работа флорентийская, XV века. Говорят, самого Антонио дель Поллайоло. Из червонного золота, с рубинами по концам, как капли крови Христовой. Но не в золоте дело! И не в камнях! Там... там шрам есть. Прямо под ребром у Спасителя металл смят и процарапан. Глубокая борозда. Её называют «Шрам Лоренцо». Это, Клим Пантелеевич, след от кинжала. В 1478 году во Флоренции был заговор против правителей, братьев Медичи. Во время службы в соборе на них напали. Младшего, Джулиано, зарезали насмерть. А старший, Лоренцо, выжил. Удар убийцы, предназначавшийся ему в сердце, пришёлся в это самое распятие, что висело у него на груди. Крест уберёт его от смерти! Он потом подарил его своему спасителю – поэту Полициано. Но позже каким-то образом он попал к праотцам Монтесано. С тех пор у них он и хранится. Это не просто украшение, это реликвия, рана на теле истории! И я собирался подарить распятие Эрмитажу!

– Ардашев наморщил лоб, а потом спросил:

– Простите, Платон Ерофеевич, я не ослышался? «Распятие Пацци»? Но ведь Пацци были заговорщиками, врагами Медичи. Почему их именем названа реликвия Лоренцо?

Лицо Чаплыгина озарилось неподдельным уважением. Он даже на миг выпрямился, увидев в собеседнике не просто чиновника, а человека, понимающего суть.

– В самый корень зрите, Клим Пантелеевич! Верный вопрос. В том-то и вся соль. Его не по владельцу кличут, а по событию. Вся его ценность – в заговоре Пацци. Это народное прозвище, прилипшее намертво за века. Говорят, сами Медичи с иронией так его называли – как вечное напоминание о провале своих врагов.

Ардашев слушал, не перебивая, его лицо оставалось непроницаемым.

– Я списался с графом по телеграфу. Он, видать, совсем на мели был. Сразу согласился. Назначил цену, вполне божескую. Я ударил по рукам, тоже ответным проводом, и помчался сюда, не чуя под собой ног. Все депеши у меня забрали при обыске...

– Очень интересно, – кивнул Ардашев. – Продолжайте.

– Приезжаю и сразу являюсь к нему в палаццо – мрачное, точно склеп. А он, этот Монтесано, старый хрыч с жадными глазами, смотрит на меня и заявляет, что передумал. Дескать, продешевил, и такая вещь стоит гораздо больше. И называет новую цену – вдвое выше! Я, конечно, вспылil, но сдержался. Думаю, ладно, торг есть торг. Ушёл. Вернулся на следующий день. А он опять за своё – требует ещё больше! Говорит, мол, понял, какое сокровище у него в руках. Можно подумать, что он раньше об этом не подозревал! Третий раз я пришёл к нему – а он заломил такую сумму, что я чуть не поперхнулся. Издевался, понимаете? Видел, как я хочу этот крест, и куражился.

Чаплыгин сжал кулаки так, что костяшки побелели.

– Тут я не выдержал. Накричал на него, высказал всё, что думаю о нём и его проклятой жадности. Пообещал, что ноги моей больше в его доме не будет. Дверью хлопнул так, что штукатурка, поди, осыпалась. А через несколько часов ко мне в отель вламывается полиция... Говорят, я его зарезал и крест похитил. А его-то у меня и нет! И не было!

Он замолчал, тяжело дыша. Ардашев выждал минуту.

– Платон Ерофеевич, полиция уверена в вашей виновности. У них есть улика. В кабинете графа, у кресла, нашли серебряную таблетницу с вашими пилюлями.

Лицо Чаплыгина исказилось от досады.

– Таблетница... Ах, чтоб её! Потерял я её, батюшка, Клим Пантелеевич! Сердце у меня в тот день шалило, я за пилюлями полез, а она, видать, и выскользнула из кармана. Я хватился её уже в отеле, да поздно было. Вот, значит, как... Обронил на свою голову. И ведь последние там оставались, теперь вот задыхаюсь...

– Вы имеете в виду *Pilulae Digitalis*²⁸?

– Я в латыни не силен. Мне их доктор Боткин прописал. Он называл их «наперстянкой».

– Да, это пилюли дигиталиса. Я попрошу полицию передать вам лекарства, – пообещал Ардашев. – Итак, вы ушли после ссоры. Кто-то ещё был в доме, кроме вас и графа?

– Секретарь был. Молодой франт. Доменико. Он в антикварной лавке приказчиком служит. Как я понял, это его сын, прижитый от какой-то горничной. Она давно умерла. Но мальчишку он оставил, воспитал, дал хорошее образование. Он говорит по-французски. Правда, обращается с ним, как с самым последним лакеем. А вообще-то, Винченцо был отъявленным самодуром – чета нашим крепостным помещикам и петербургским процентщикам на Сенной.

– Вот как! А вам откуда известны эти подробности?

– Я же не первый год его знаю.

– Вы общались с ним по-французски?

– А как же ещё? – усмехнулся фабрикант. – Итальянский в нашей тверской гимназии не преподавали...

– В палаццо есть антикварная лавка?

– Да, на первом этаже. Но там нет ничего интересного: так, чепуха копеечная.

– А кого ещё вы встречали в особняке?

– Видел какого-то то ли художника, то ли реставратора, снимавшего со стены картину Караваджо: «Саломея с головой Иоанна Крестителя», когда мы по зале в кабинет графа проходили. А в самый первый раз Винченцо познакомил меня со своей женой, контессой²⁹ Аурелией Монтесано. Сейчас ей лет двадцать пять.

– У него молодая жена?

– О да! Красавица!

– В тот вечер она была в палаццо?

– Не знаю.

– Очень жаль.

– Может, вы запомнили кого-то из слуг?

– Да, курил у входа какой-то лакей, но я его не запомнил.

– Это уже кое-что, – задумчиво вымолвил Ардашев. – А когда вы зашли в его кабинет, на стене висели два средневековых кинжала?

– Да, это баллоки. Они в весьма хорошем состоянии. Как я понял во время допроса, одним из них графа кто-то и прикончил.

– Когда вы ушли, где находился граф?

– В кресле сидел.

– А распятие где было?

– Не знаю. Мы же до завершения сделки не договорились.

– Вас допрашивали с переводчиком?

– Нет, полицейский весьма сносно изъяснялся по-французски.

– Это был делегат Чезаре Червелло?

²⁸ *Pilulae Digitalis* – Пилюли дигиталиса – сердечное лекарство на основе вытяжки из растения наперстянки (лат.).

²⁹ Контесса – графиня (итал.).

– Да, по-моему, он так и представился. Усы у него необычные – трапецией, и подбородок бреем. Неприятный тип.

– Это он. – Клим вздохнул. – К сожалению, у нас мало времени. Просьба у меня к вам: ни с кем не разговаривайте. Ничего не подписывайте, что бы вам ни предлагали. Ждите меня. Я приду снова, как только смогу.

– Теперь-то мне легче. Раз уж сам наш самодержец обо мне заботится. – Он поднял голову и добавил: – Я – купец первой гильдии Платон Чаплыгин! Моё слово на нижегородской ярмарке миллионами ворочает! А имя моё – это капитал поважнее любого золота! А здесь... здесь я кто? – он обвёл рукой камеру. – Пыль под ногтями какого-то писаря... Он даже имени моего выговорить не может. Меня оболгали, втоптали в грязь, заперли в этой дыре, и какой-то чиновник мне лепечет про мою вину! – Он откинулся назад, тяжело дыша. – Да что я понимаю в их порядках? Я знаю один для себя порядок: есть правда и есть ложь. И всё! А со мной в камере всякие бродяги, воры и убийцы – не люди, а тараканы. Щебечут что-то на своём, смотрят зло. Того и гляди ночью прикончат. Я-то их не боюсь, но не хочется грех на душу брать – душегубить мерзавцев.

Ардашев слушал молча, не перебивая. Он давал купцу выплеснуть всю боль, всю обиду, всё отчаяние, что копились в нём. Наконец Клим сказал:

– Вы правы во всём. Именно поэтому я здесь, Платон Ерофеевич. Это чужая земля с другими обычаями. Их главная задача – сломать вас изоляцией, неизвестностью и плохими условиями содержания. Они ждут, что вы совершите ошибку. Устанете. Согласитесь. Подпишите то, чего не понимаете. Но мы не дадим им этого. С этой минуты ваше единственное правило поведения – молчание. Ни слова судебному следователю, ни единой подписи ни на одной бумаге. Дайте мне время, продержитесь, и я вытащу вас из этой ямы. Я попрошу полицейского перевести вас в одиночную камеру. Не знаю, удастся ли мне это, но попытаюсь. Только, прошу вас, не идите ни у кого на поводу.

Чаплыгин медленно поднял глаза.

– Всё так и будет, – твёрдо ответил он. – Но скажите: они что – повесить меня хотят?

– Нет. Вот уже шесть лет в королевстве действует новое Уложение о наказаниях. Согласно его статьям, смертная казнь распространяется только на государственную измену, шпионство, вооружённое восстание и другие тяжкие воинские преступления. А за обычные уголовные деяния, включая убийство, применяется тюремное заключение и каторга вплоть до бессрочной.

– Тогда виселица – спасение, – вздохнул фабрикант.

За дверью послышались шаги, и лязгнул засов.

– Конец свидания! – крикнул по-итальянски охранник и показал карманные часы.

Ардашев поднялся.

– Держитесь, Платон Ерофеевич. Россия вас не оставит.

Он кивнул вошедшему конвоиру и, не оборачиваясь, вышел из комнаты, оставив за спиной оглушительный лязг замка и человека, в чьих глазах впервые за последние дни затеплился огонёк надежды.

Глава 9

Распятие Пацци

29 апреля 1478 года

На третий день после «кровавой Пасхи» Флоренция просыпалась в тревоге – словно холерный больной после изнурительного бреда, ещё не верящий, что кошмар наконец отступил. Робкий рассвет направил первые лучи на купол Брунеллески, но не зажгёт его огнём, а лишь слегка позолотил верхушку, прежде чем сияние скользнуло вниз и разлилось по черепичным крышам. Арно нёс жемчужно-серые воды, и их тихое течение больше не омрачалось телами казнённых, сброшенными с мостов. Город отчаянно пытался вернуться к прежнему, мирному ритму.

С раннего утра на улицах сновали слуги с деревянными вёдрами, яростно оттирая с булыжников бурые пятна, которые, казалось, въелись в камень навсегда. Воздух, обычно наполненный ароматами свежего хлеба, кожи из мастерских и цветущих глициний, всё ещё хранил едва уловимый, тошнотворный дух остывшей крови. Колокола, три дня назад возвестившие о Воскресении Христа, а затем ударившие в набат, призывая к мести, теперь молчали. Их тишина казалась оглушительнее любого звона.

Флоренция уцелела, но это была жизнь на вулкане. На перекрёстках дежурили патрули, и на алебардах стражников играли тусклые отблески утреннего света. Горожане, спешившие по делам, опускали глаза, боясь, что первый встречный прочтёт в них либо сочувствие врагам, либо одобрение жестокости. А кто знает, что будет дальше? Каждый шаг прохожего гулко отдавался в узких переулках, напоминая о недавнем топоте ног разъярённой толпы. Месть свершилась. Семью Пацци уничтожили, стёрли с лица земли, но страх смерти ещё витал над домами. Люди не могли заставить себя говорить или думать о чём-либо другом, мирном или весёлом. Зажечь народ искрой ненависти оказалось легче, чем потушить пожары, остановить погромы и узаконенные убийства.

Анджело Полициано получил приглашение во дворец Медичи с первым светом. Он одевался медленно: его тонкие, привыкшие к перу пальцы плохо слушались, застёгивая пуговицы на дублете. Последние три дня он провёл как во сне, пытаясь облечь хаос событий в стройные строки латыни для хроники «Записки о заговоре Пацци». Но разве слова могут передать ужас крика Джулиано, лязг стали о камень и теплоту крови Лоренцо на собственных руках? Он, гуманист, ценитель античной поэзии и платоновских диалогов, оказался в эпицентре средневековой бойни. И не дрогнул. Анджело уберёт своего покровителя, друга, почти брата. Но цена этого спасения была ужасна, и её заплатил весь город.

Когда он вышел на улицу, люди его узнали. Они кланялись, кто-то даже пытался поцеловать край его плаща. За одну ночь он превратился из блестящего придворного поэта в героя, одного из спасителей «отца отечества». От этого внимания Полициано чувствовал себя неловко. Его оружием было слово, а не действие. Тот порыв в соборе – в ризницу! – был инстинктом, чистым, как вспышка молнии. И он не считал это подвигом.

Палаццо Медичи на Виа Ларга встретил его непривычной, суровой тишиной. Весёлая суэта, гомон художников, философов и просителей сменились шёпотом и молчаливым волнением. У входа стояла усиленная охрана. Внутренний двор, где обычно играли дети Лоренцо, был пуст. Полициано провели не в парадные залы, а в личные покои правителя, на второй этаж.

Он вошёл в *studiolo* – кабинет Лоренцо. Эта комната была сердцем и мозгом не только дома, но и всей Флоренции. Вдоль стен тянулись шкафы, полные книг в кожаных переплётах с золотым тиснением. На полках, между томами Вергилия и Цицерона, стояли античные брон-

зовые статуэтки и лежали древние монеты. Здесь же покоились редкие геммы – драгоценные резные камни из оникса и сердолика. Лоренцо дорожил этими карманными шедеврами древности: выпуклыми камнями с ликами богов и инталиями – миниатюрными камнями-печатами с углублённой резьбой. На большом резном столе громоздились свитки, карты, астрольбия и только что принесённые донесения. Кабинет являл собой убежище мыслителя, храм культуры. Но сейчас он больше походил на штаб полководца после решающей битвы.

Правитель сидел в кресле, спиной к свету, глядя на языки пламени в небольшом камине, хотя в комнате было не холодно. За три дня он изменился до неузнаваемости. Лицо, всегда живое, полное иронии и ума, будто окаменело. Под глазами залегли тёмные круги. На шее, над воротом тонкой полотняной рубашки, виднелась свежая повязка. Он не обернулся на шаги Полициано, словно зная, кто вошёл.

– Анджело, – тихо проговорил он, – подойди.

Полициано приблизился и остановился у кресла.

Лоренцо медленно указал на небольшой столик, где высился кубок с вином.

– Раздели со мной чашу. Сегодня я пью не за мудрость Платона, а за быстроту ног и ясность ума моих друзей.

Полициано молча налил себе вина. Лоренцо наконец повернулся к нему. Его глаза, обычно искрящиеся весельем, теперь казались безжизненными. В их глубине тлел холодный огонь.

– Они говорят, меня уберегли телохранители. Врут, – тихо произнёс он. – Мои преданные скудьери³⁰ растерялись, как ягнята. Они смотрели на кровь и не знали, что делать. Ты, человек книги, оказался проворнее людей меча. Ты спас мне жизнь, Анджело. Не лестью, не стихами, а одним-единственным точным криком. Я твой должник.

– Синьор, – сдавленно проговорил Полициано, – любой на моём месте...

– Нет, – перебил его Лоренцо. – Никто, кроме тебя, не оказался там. Только ты. И я этого не забуду. – Он замолчал на мгновение, и его пальцы коснулись драгоценной цепочки, на которой висел наперсный крест. – Почести, Анджело... Золото, земли, должности – всё это прах. Я могу осыпать тебя флоринами, но чем измерить цену жизни? Цену Флоренции? Есть лишь одна достойная тебя награда.

Лоренцо снял крест и поднёс его к свету. Он был из червонного золота, с четырьмя крупными рубинами на концах, похожими на застывшие капли крови. Распятие – работа великого мастера, но сейчас вся его ценность заключалась не в искусности ювелира. Прямо под рёбрами золотой фигуры Христа виднелся глубокий, зазубренный шрам – вмятина от острия кинжала, соскользнувшего во время удара убийцы. «Шрам Лоренцо».

– Вот, – сказал правитель. – Этот крест принял удар, предназначенный моему сердцу. Он стал моим щитом. Теперь он будет твоим.

Он поднялся, подошёл к ошеломлённому поэту и, наклонившись, надел цепочку ему на шею. Золото холодом легло на кожу Полициано. Он ощутил вес металла и груз истории, которая теперь покоилась на его груди.

– Синьор... Лоренцо... я не могу... это святыня... – пролепетал он, его глаза наполнились слезами. – Я недостойн. Есть тот, кто заслужил память и почёт куда больше меня. Франческо Нори. – При упоминании этого имени Лоренцо вздрогнул, будто вновь увидел смерть. – Я лишь крикнул и увлёк вас в ризницу, – с горечью продолжал Полициано. – А он... он встал живым щитом на пути врагов. Он принял на себя удары, предназначенные вам, и заплатил за вашу жизнь своей. Его кровь, а не моя, омыла пол собора. Этот крест, эта честь... они должны принадлежать его памяти, его семье!

³⁰ Скудьери (*итал. scudieri*, букв. «щитоносцы») – оруженосцы и личные приближенные знатного лица в Италии эпохи Возрождения. Они выполняли функции телохранителей и почетного эскорта, причем часто происходили из благородных семей.

Правитель молчал несколько долгих мгновений, глядя на поэта так, словно взвешивал каждое его слово.

– Нори мёртв, Анджело, – тихо вымолвил Лоренцо. – Покойникам не нужны награды. Почившим нужна вечная память, и он её получит. Но память – это удел потомков. А я говорю с живыми.

Он шагнул ближе и продолжил:

– А ты уцелел. И твой поступок – урок для всех. Он говорит о том, что не только меч, но и разум, и верность учёного мужа могут спасти государство. Твой крик спас не просто мою жизнь, он сохранил для Флоренции её правителя. Я награждаю будущее, Анджело, а не прошлое. Подвиг погибшего – это трагедия, которую мы можем лишь оплакивать. Но государство держится на живых. Твоя награда – это знак для всей республики, что преданность и ум будут оценены по достоинству. И пусть все видят, как Лоренцо Медичи ценит соратников.

Полициано опустился на одно колено, благоговейно коснулся креста пальцами и поцеловал руку своего покровителя.

– Я не заслужил такой чести, синьор. Но я пронесу её через всю жизнь. Благодарю вас. От всего сердца.

Он поднял голову и увидел, что Лоренцо смотрит на него со странной, едва заметной ухмылкой. А потом правитель Флоренции тихо и злорадно рассмеялся, глядя на поэта.

Полициано замер в растерянности и почти шёпотом спросил:

– Почему... почему вы смеётесь, синьор?

Лоренцо опустился обратно в кресло и посмотрел на горящие в камине поленья.

– Я смеюсь над причудами судьбы, мой дорогой Анджело. И над жестокой поэзией истории. Этот крест уберёт меня от кинжалов, которые направляла рука семьи Пацци. Он стал символом нашего триумфа над ними. Так не будет ли высшей справедливостью и насмешкой над врагами, если мы назовём его «Распятие Пацци»?

Полициано застыл. Он вдруг в полной мере осознал, что за человек сидит перед ним. Это был уже не тот весёлый меценат и первый гражданин республики. Перед ним находился государь, закалённый в крови и предательстве, чья мысль была остра, как стилет, и холодна, как мрамор гробниц. Он понял, что смех Лоренцо – смех триумфатора, забирающего у противника всё – не только жизнь и богатство, но даже имя, превращая его в клеймо на собственном золоте.

Поэт медленно опустил руку и почувствовал на груди леденящую тяжесть награды. Теперь он носил не просто священный амулет, а зловещий символ победы, названный в честь казнённых врагов. От этой мысли Анджело невольно вздрогнул, но, тотчас овладев собой, поклонился повелителю республики.

Глава 10

Скорбящая вдова

Ардашев проснулся от яркого утреннего света, пробивавшегося сквозь щель в портьерах. Ночь прошла спокойно, но не принесла желанного отдыха. В голове, словно назойливые мухи, роились мысли о вчерашнем дне: визит в тюрьму, разговор с Чаплыгиным и туманные контуры ещё не до конца понятного дела.

Он принял ванну и, облачившись в строгий чёрный сюртук, идеально подходящий для траурного визита, спустился в ресторан отеля. Утренний Неаполь уже начинал шуметь, но вместе с суетой из открытого окна в залу проникал свежий весенний ветер.

Завтрак в «Бристол» представлял собой не просто приём пищи, а целый ритуал, выверенный до мелочей. Официант в белоснежной куртке бесшумно сервировал столик: приборы с гравировкой отеля и тончайший лиможский фарфор³¹. Сначала подали кофе – тот самый, густой и обжигающий, в начищенном сосуде с длинным носиком. Затем принесли свежавыжатый сок из красных сицилийских апельсинов в запотевшем бокале.

Основное блюдо состояло из двух яиц пашот, идеально сваренных, с дрожащими, как желе, белками и жидкими, янтарными желтками. Их подали на поджаренном куске пшеничного хлеба с тонким слоем масла, рядом с несколькими ломтиками нежной ветчины и горстью свежей рукколы. В плетёной корзинке дымились тёплые булочки-сфольятелле³² с рикоттой, а в хрустальной вазочке переливался на солнце густой инжирный джем. Ардашев ел неторопливо, наслаждаясь тишиной и безупречным обслуживанием, столь разительно контрастировавшим с тем миром, в который ему предстояло окунуться.

Закончив трапезу, он подозвал портё и попросил не только заказать коляску, но и объяснить извозчику, что его нужно доставить в похоронное бюро.

Через несколько минут у входа его уже ждал лакированный кабриолет с откинутым верхом.

Кучер, щёлкнув вожжами, направил лошадь вниз по склону холма.

Они ехали не по центральным проспектам, а по боковым улочкам района Кьяйя, где жили состоятельные неаполитанцы. Здесь не было нищеты и суеты старого города. За высокими коваными оградами виднелись сады, где глицинии свешивали лиловые гроздья, а на клумбах уже всюду цвели ирисы и алые маки. Вскоре экипаж остановился перед витриной, задрапированной чёрным крепом. Над дверью висела скромная вывеска: «Похоронные почести».

Внутри было тихо. Вдоль стен стояли образцы надгробий, а на подставках красовались венки из искусственных и живых цветов. Хозяин, сухой старик в чёрном сюртуке, с лицом, словно обтянутым пергаментом, вышел из-за конторки.

– Мне нужен венок, – проговорил Клим на французском. – Большой, из свежих белых лилий. И траурная лента.

Климу повезло. Старик прекрасно владел языком Дюма и указал на пышный венок, источавший горьковато-сладкий аромат.

– Что написать на ленте, месье?

– «Париж скорбит о тебе, Винченцо», но только по-французски.

Хозяин, не задавая лишних вопросов, вывел золотыми буквами продиктованную фразу каллиграфическим почерком: «*Paris te pleure, Vincenzo*».

³¹ Лиможский фарфор – знаменитый элитный французский фарфор, производимый в городе Лимож с XVIII века.

³² Сфольятелле – традиционная итальянская (неаполитанская) выпечка в форме ракушки из хрустящего многослойного теста с начинкой.

Расплатившись, Клим вернулся в экипаж. Венок занял соседнее сиденье.

– Теперь в переулок Семи Скорбей, к палаццо Монтесано.

– Это в Испанских кварталах, синьор, прямо за Виа Толедо, – уточнил извозчик. – Поднимемся вверх по склону.

Дорога в сердце старого города оказалась путешествием в другую эпоху. Коляска нырнула в узкий каменный проход, где дома теснились так близко, что, казалось, подпирали соседей. Солнечный свет сюда почти не проникал, оставаясь где-то в вышине, на уровне крыш. Экипаж с трудом лавировал между тележками торговцев, ослами, гружёными овощами, и стайками играющих детей. Наконец они вывернули на небольшую площадь и остановились перед массивным зданием.

Палаццо Монтесано представляло собой суровое четырёхъярусное строение из потемневшего от времени серого туфа. Оно выглядело древним и гордым, как старый аристократ, не желающий признавать бедность. Окна второго, парадного этажа были закрыты тёмно-зелёными ставнями, а одно из них занавешено чёрной тканью – знак траура. Внизу виднелась скромная, но изящная вывеска: «Антиквариат Монтесано».

Ардашев расплатился с извозчиком и, взяв венок, вошёл под своды тёмной арки. Швейцар в поношенной ливрее скорбно поклонился и указал на широкую мраморную лестницу, ведущую наверх.

Наверху его встретила почти полная тишина, нарушаемая лишь приглушённым покашливанием. Он оказался в просторной Большой зале под расписным плафоном, где нимфы и сатиры безучастно взирали на земную скорбь. Большую часть стены укрывала шпалера – вполне сносно сохранившийся старинный гобелен, детально изображающий сцену «Охоты Дианы». Из угла доносилось мерное, глуховатое тиканье напольных английских часов. Длинный стол, накрытый плотной скатертью, на время прощания переставили к самой дальней стене, а вдоль левой выстроились деревянные кресла с высокими резными спинками и подлокотниками – так, чтобы скорбящие могли сидеть, обратив взоры на покойного.

В самом центре залы, на специальном постаменте, утопая в цветах, стоял открытый гроб из тёмного полированного дуба. Горели длинные восковые свечи в бронзовых канделябрах, их пламя слегка колыхалось от сквозняка, отбрасывая на стену тени. Вместо фотографии у изголовья висел большой парадный портрет графа в полный рост – высокомерный пожилой господин с тонкими губами и холодным взглядом смотрел на собравшихся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.